

Жифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы материалы сайтов sf.ru и psmb.ru. Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

2 (172) +12
февраль 2014

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 2

В Санкт-Петербурге прошел семинар, посвященный проблемам почитания новомучеников

Какую церковь они сохранили для нас своим подвигом и как о ней свидетельствовать, не закрывая глаза на существующие серьезные проблемы?

С. 3

На Рождественских чтениях

После Рождественских чтений мы, как обычно, публикуем репортажи: конечно, не со всех секций, на которых побывали наши корреспонденты – для этого не хватило бы номера – но хотя бы с тех, где традиционно выступают с докладами члены Преображенского братства

С. 5

О народе и верности

Одно из качеств, показывающих, что то или иное издание живо, – отклики читателей. Поэтому мы всегда с радостью публикуем их – оставляя, по обычаю большинства современных изданий, за автором оспариваемой статьи право на продолжение дискуссии

Открытая встреча

В приложении мы возвращаемся к традиции публикации размышлений о своем жизненном пути тех людей, которые во время катехизации сознательно и серьезно готовятся к Крещению или (если они уже крещены) к исповеди за всю жизнь, а также продолжаем разговор о добровольческих движениях

Солидарность во имя опального Бога

К десятилетию кончины Сергея Сергеевича Аверинцева мы публикуем одну из его статей, вошедших в сборник «Римские речи. Слово Божие и слово человеческое»

Советский коммунизм, как правило, не говорил правды. Однако в одном отношении он был искренним до конца, особенно в свой начальный период, т. е. в 1920-е и 30-е гг. Я имею в виду «воинствующий атеизм», который, впрочем, в эти ранние годы еще не был обозначен посредством иностранного слова «атеизм», а назывался по-русски – «безбожием», т. е. «отсутствием бога». «Безбожие», «безбожник» – это в системе русской лексики в высшей мере выразительные, живые слова, сверхбогатые ассоциациями. Принадлежит одновременно как сакральному и библейскому языку, так и сочному и ядреному языку улицы, они, подобно ругательствам, весьма красочны. Безбожник – это, собственно, не разумный атеист, а фанатик и ханжа атеизма, который, как и подобает ханже, ведет свою религиозную войну против всех религий. Или же он, если

точно воспроизвести фразеологию того времени, воюет с Самим Богом. Устраивались форменные судебные заседания, и на них Богу регулярно выносились смертные приговоры. Сам Бог оказался в опале. Судьба тех, которые веровали в Бога, в этом грандиозном, надмирном контексте представляла как пустяк, не заслуживавший внимания.

Как бы то ни было, по отношению к вере в Бога Авраама большевикам нельзя отказать в правдивости, что само по себе похвально. В отличие от национал-социализма, по сути враждебного христианству и все же лицемерно провозглашавшего идеологию «Gott mit uns!» («С нами Бог!»), советский коммунизм демонстрировал безусловную приверженность принципу вышеназванного воинствующего безбожия и открыто объявлял религии – причем любой религии – войну на полное уничтожение.

Генрих Бёльль как-то признался, что во время гитлеризма ему было тяжело видеть одетых в униформу эсэсовцев, в католическом храме приступавших к причастию. Слава Богу, мы в коммунистическую эпоху, напротив, были полностью ограждены от подобных переживаний. Наши профессиональные людоеды в церкви никогда не причащались, ибо они, что честнее, как раз и были «безбожниками».

Мы – и под этим «мы» я имею в виду не просто «нас, российских верующих», или вообще «верующих бывшего Советского Союза», а именно наше старшее поколение людей, наблюдавших сталинские порядки своими глазами, – мы располагаем совершенно особым, уникальным, бесценным опытом. Князь мира сего тогда взирал на нас в упор и без всякой маскировки. И мы выдержали этот взор.

Окончание на с. 6-7

Свидетельство защиты

Ольга Александровна Седакова размышляет о новом издании статей и лекций, открывающем нам «европейского Аверинцева»

Сергей Аверинцев. Римские речи : Слово Божие и слово человеческое / Сост. Пьерлука Адзаро. Предисл. митр. Волоколамского Илариона. Вступ. статья Джузеппины Кардилло Адзаро. М. : Издательство Московской Патриархии; Рим : Accademia Sapientia et Scientia, 2013. 688 с. (На рус. и итал. яз.)

Презентация огромного тома статей и лекций С.С. Аверинцева происходила в декабре минувшего года, в Риме. Работа над составлением книги шла не менее трех лет. Нужно заметить, что это уже второе итальянское издание трудов нашего великого соотечественника. Первое, сделанное в Милане годом раньше, включало в себя труды С.С. Аверинцева о поэзии и поэтах (расширенный вариант русского тома «Поэты»). Римский же том сосредоточен на христианской экзегетике и на общественной мысли С.С. Аверинцева.

Это издание откроет русскому читателю или просто незнакомые, или недостаточно обдуманые нами стороны умственного труда С.С. Аверинцева.

Начну с совсем незнакомых. Нужно признаться, что отсутствие (или, точнее, редкое присутствие) С.С. Аверинцева в России в последнее десятилетие его жизни мы переживали с печалью и едва ли не с обидой. Его ясного слова, его широкого видения того, что происходит

в стране, болезненно недоставало в эти тревожные и запутанные времена. Но то, чем в это время С.С. Аверинцев был занят в Европе, оставалось здесь неизвестным (за исключением его профессорства в Венском университете). Как видно из этого тома (но только отчасти, потому что в него включены исключительно римские лекции и выступления, а сколько их было в других городах и всях Старого Света!), Аверинцев продолжал свое словесное служение уже в общеевропейском горизонте. Все помнят, что Аверинцев в шутку называл себя «средиземноморским почвенником», и судьба «большой родины», европейской цивилизации, занимала его самым непосредственным образом. Он вступил в эту жизнь не как гость, не как приезжий скиф, а как равноправный участник событий, отстаивающий определенную позицию. И авторитет его слова был очень высок. Никогда в истории гражданин России (причем частное лицо, не официальный представитель какой-то

Окончание на с. 8

«Народ жаждет сознательной христианской жизни»

Памяти протопресвитера Кирилла Зайца

В середине ночи на 15 июля 1869 года в крестьянской семье в местечке Яунамая Веренской волости Рижского уезда Лифляндской губернии родился мальчик. Родители дали ему имя Карл, а в крещении в православной церкви он был наречён Кириллом.

Сегодня мы знаем, что после окончания Рижской Духовной семинарии в 1891 году и рукоположения в 1896-м, к 1900 году молодой священник Кирилл Зайц успешно окончил Высшие курсы миссионеров в Петербурге. Но ещё до этого, с 1898 года, отец Кирилл был переведён в Эржепольскую (Вильякскую) церковь, в которой прослужил более 12 лет.

Нужно сказать, что Полоцко-Витебская епархия являлась пограничной в конфессиональном отношении территорией, поэтому серьёзную конкуренцию государственному православному вероисповеданию здесь составлял католицизм. В отчётах епархиального миссионера ежегодно приводились значительные цифры православных, перешедших в католическое вероисповедание. Это не могло не тревожить лучших православных священников, так как являлось свидетельством слабости православной церкви, её пастырей и мирян. Будучи настоятелем Эржепольского храма, отец Кирилл в 1903 году по благословению Преосвященного Серафима основал Свято-Покровское православное братство. Главную цель братства священник-миссионер видел в том, чтобы сплотить разрозненных прихожан, «...вселить в них единодушие и любовь к своему храму, просветить народную массу, изгнать

суеверия, которые служат духовной пищей <...> народу и поддерживают тьму невежества». Кроме этого, братство стремилось оказать помощь нуждающимся – «дать кров и тепло бездомным старикам и старухам» – и не ограничивало своих добрых трудов исключительно православными жителями, но стремилось по заповеди Учителя приходить на помощь «...всякому нуждающемуся, оно желало помочь выйти к свету из тьмы невежества, при помощи школьного образования, всем, без различия вероисповедания и национальности, не спрашивая приходских – ты кто еси?». Своё основное попечение Эржепольское братство сосредоточило на помощи местной церковно-приходской школе для девочек, которая была открыта в Эржеполе в 1900 году. Как писал сам отец Кирилл: «Трудно что-нибудь сделать в приходе, где женщина-прихожанка неграмотна, темна; особенно трудно в таких приходах, как Эржепольский и соседние с ним, где прихожане вдобавок к тому – не коренные православные люди, а все почти без исключения обращённые в Православие из других вероисповеданий инородцы. Тут на каждом шагу инославные обычаи и навыки, инославные праздники и пр., а хуже всего – масса невозможных суеверий. Борьба с этим более или менее успешно может только школа, воспитывая молодое поколение и через него перевоспитывая старое»².

Окончание на с. 4

В Санкт-Петербурге прошел семинар, посвященный проблемам почитания новомучеников

В селе Михайловском Ивановской епархии у местного храма долгие годы всегда можно было встретить невзрачную старушку. Было ей далеко за восемьдесят, одета скромно. На груди – иерейский крест(!), рядом, независимо от времени года, – лыжные палки. Каждое утро она приходила в храм раньше всех. Когда-то прибегала, а потом без палок уже и дойти не могла. Так она исполняла благословение своего духовного отца, ныне прославленного исповедника веры преподобного Леонтия (Стасевича). Умирая, он сказал ей: приходи в храм раньше всех и с каждым, кто захочет, говори. Теперь в этом храме находятся мощи отца Леонтия, и паломникам, которые приходят им поклониться, старушка рассказывала о небольшой общинке, которую он собрал в этой деревне после выхода из лагеря, о том, как скромно они жили, как служили, каким свободным человеком был батюшка. К этому времени в храме служили целых три молодых священника, только они почему-то не очень были готовы говорить с бывшей келейницей, получившей в наследство после смерти ее духовного отца иерейский крест.

Как же нам почитать наших новомучеников и исповедников? В чем смысл этого почитания сегодня, когда так изменились условия жизни общества и церкви? Чему мы можем у них учиться? Какую церковь они сохранили для нас своим подвигом? Как о ней свидетельствовать, не закрывая глаза на существующие серьезные проблемы?

Об этом 1 февраля, за неделю до Дня поминовения новомучеников и исповедников российских, говорили под Петербургом проректор Свято-Филаретовского института (СФИ) Дмитрий Гасак, директор РГГУ в Твери Владимир Лавренов, члены группы «Церковно-общественные инициативы» (ЦОИ) Преображенского братства и протоиерей Георгий Митрофанов, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин Санкт-Петербургских духовных школ, более двадцати лет проработавший в Синодальной комиссии по канонизации святых. Конференция, организованная

ЦОИ, называлась: «Почитание новомучеников и исповедников и свидетельство о Церкви сегодня».

Как почитать новомучеников?

Дмитрий Гасак начал разговор с того, что почитание новомучеников должно выражаться не только в каких-то специальных формах – литургических песнопениях или иконописи, но и в продолжении дела их жизни – в свидетельстве о Христе, в жизни по Евангелию. Ведь почитание святых появилось в церкви довольно поздно, а к святости призван в ней каждый. Выделение отдельных святых скорее сбивает человека: кажется, что обыкновенный человек к святости не способен и не призван. Если же человек действительно задается целью жить по-евангельски, он обязательно посмотрит вглубь истории и обратится к опыту новомучеников, ближайших к нам в историческом времени святых. И тогда, участь у них свидетельству о Христе, современные христиане будут находиться в единстве и с ними, и со всем народом Божиим.

Об отношении к почитанию новомучеников по опыту своей работы в комиссии по канонизации рассказал протоиерей Георгий Митрофанов. Комиссия ставила перед собой две задачи: избежать идеологизации и мифологизации – двух опасностей, неизбежных в нашей стране. Среди достижений работы комиссии отец Георгий отметил отказ от наиболее скандальных канонизаций (Феодосия Кавказского и даже блаженной Матроны, которую в итоге канонизировали, обойдя Синодальную комиссию). Отдельно отец Георгий отметил прославление некоторых священнослужителей из «непоминающих» (епископа Серафима (Звездинского), протоиерея Викторина Добронравова и др.). Это особенно важно сегодня, когда некоторые считают, что человек не может быть святым, если он выступает против лояльного отношения представителей церкви к безбожному советскому государству.

Ирина Пономарева (Михайловское братство), куратор выставки «Неперемолотые» в Архангельской области, рас-

сказала о том, что посвященная памяти новомучеников выставка «Неперемолотые», прошедшая только в Архангельской епархии через шестнадцать городов и сел, побудила епархиальное управление к созданию ее аналога. В одном из городов Архангельской области выставки «встретились». Выставка Преображенского братства была открыта, работала благодаря постоянно действующим экскурсоводам, в то время как другая экспозиция лежала в запакованных пакетах, не принося живого плода.

Критерии канонизации

Отец Георгий признал, что основное число новомучеников канонизированы не за подвиг, а по сути за то, что стали жертвами советских репрессий. При этом жития новых святых во многом строились на материалах следственных дел ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, которые, безусловно, нельзя считать надежными источниками из-за частой фальсификации. Отец Георгий рассказал, что статистика самооговоров в гестапо и советских органах несопоставима: все-таки в гестапо требовали от человека правды, а в СССР выполняли план по расстрелам. С сожалением отец Георгий отметил, что один из важнейших критериев – народное почитание – сегодня практически не работает. Наш народ во многом лишен исторической памяти, и ситуация оказалась обратной – теперь комиссия рассказывает народу, кого ему следует почитать. Фактически сегодня канонизация инициируется не народом, а узкой группой лиц – членов комиссии по канонизации.

Нужно собирать живой опыт церкви – тогда из него будут выявлены и святые, и критерии почитания, сказал Андрей Скидан, член Гомельской епархиальной комиссии по канонизации (братство во имя святителя Тихона Задонского). Он рассказал об общении на местах с теми, кто знал новомучеников и исповедников – почти все они знали друг друга, несмотря на дальние расстояния, а ведь во все времена святые были связаны узами любви.

Ольга Филиппова считает, что людям важно знать простую вещь: жизнь по Евангелию возможна. Новомученики –

это не античные герои («и не «терминаторы святости», – добавил отец Георгий), а те, кто во всей полноте, красоте, подлинности, приближенности ко Христу говорят о милости, о любви, об открытости, и этот опыт касается любого сердца.

Что главное в свидетельстве о Церкви сегодня?

Владимир Лавренов, руководитель группы ЦОИ, назвал свободу ключевым понятием церковной жизни, а свобода предполагает и благоговение перед Богом и человеком, и почтение к святым, и раскрытие даров верующих. Свобода заложена в церкви изначально.

Мargarита Шилкина, декан факультета религиоведения СФИ, с горечью отметила, что сегодня слова о том, что Христос – Глава Церкви, часто воспринимаются даже в самой церкви лишь как протокольная фраза, звучащая с высоких трибун. Но подлинная церковь собирается ради Христа, для Него и под Его главой.

С этим согласился отец Георгий Митрофанов: «Мы не распознаем святых, потому что не распознаем Христа. Не святые должны вести нас ко Христу, а Христос – к нам, и пока Он отодвинут на второй план – никакие опосредованные связи нас не объединят».

В завершение конференции ее ведущая Юлия Балакшина прочитала слова из предсмертного письма святителя Вениамина (Казанского), которое еще совсем недавно можно было прочитать на выставке «Не должно вам быть», проходившей в Александро-Невской лавре: «В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалея всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали. – Времена переменились. <...> Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. <...> Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя».

Анастасия Наконечная
Информационная служба
Преображенского братства

Исполнилось 70 лет со дня снятия ленинградской блокады

Этот день – 27 января – еще носит название Дня воинской славы России. Таких дней в России около двадцати, среди них день победы в Ледовом побоище и Полтавская битва. Из Второй мировой войны в этом списке всего четыре победы – Ленинград, Сталинград, Москва, Курск.

Точных данных о том, сколько человек погибло во время блокады в Ленинграде, у нас нет. На Нюрнбергском процессе говорили о 600 тысячах, позже стали называть цифру в 1,5 миллиона, назывались и другие...

Кажется, что о блокаде мы знаем почти все – дневник Тани Савичевой, кадры из кинохроники, открывшиеся после перестройки факты о том, что высшие партийные начальники всю блокаду ели пирожные и выкидывали апельсиновые корки. Даже о том, что в городе были открыты три храма – Князь-Владимирский, Преображенский и Никольский соборы,

многие знают. Немцы бомбили город в пасхальную ночь 1942 года настолько сильно, что пасхальную заутреню в Князь-Владимирском соборе пришлось перенести на шесть утра. А позднюю литургию в тот день отменили: «Пошла к поздней обедне. Она не состоялась по усталости и болезни священника. Он только «освящал куличи». Это было трогательно. Шли женщины с ломтиками черного хлеба и свечами, батюшка кропил их святой водой. Я приложилась к Спасителю, отошла в сторону и расплакалась». Когда наутро отец Николай Ломакин рассказал о последствиях бомбежки митрополиту Алексию (Симанскому), тот ответил: «Ничего: будет и по-другому».

Известно, что в блокаду совершилось покаяние уже умирающего известного обновленца Николая Платонова, бывшего «митрополита Ленинградского». За несколько дней до смерти он пришел в «тихоновский» Никольский собор, ис-

поведовался и причастился. И о том, что, предчувствуя приближающуюся смерть, хранитель рукописи «Софья Петровна» Исидор Гликин привез ее на саночках через весь город, отдал в надежные руки и через три дня умер.

Но есть и совсем простые, не связанные со знаковыми событиями воспоминания еще живущих среди нас блокадников, бывших в те страшные годы детьми.

Галина Г. Мне было три года, когда нас с мамой эвакуировали по Дороге жизни. Из самой блокады я почти ничего не помню. Разве что один момент: мы с мамой поднимались домой по лестнице, и так получилось, что она была выше на пролет и стояла у лестничного окна, а я смотрела на нее снизу. И тут где-то упала бомба, стекло на площадке разбилось – и маму, как мне показалось, осыпало серебряным дождем. Мне так это понравилось, это было так красиво! Мама была как настоящая принцесса. Только я не

понимала, почему это не нравится маме.

Михаил Г. Мы с мамой уехали из Ленинграда еще до блокады, а когда вернулись, оказалось, что наша комната в коммунальной квартире занята. В ней жила пассива одного известного генерала. И тут я узнал, что всю войну мама из Свердловска высылала квартплату за нашу комнату. Деньги, правда, пришли не сразу, а после войны. Зато она смогла отсудить эту комнату, и через полгода мы в нее вернулись.

Я думаю, очень важно помнить и это простое «человеческое измерение» самых страшных событий, чтобы они никогда не превращались для нас в абстрактную схему или в миф.

Анастасия Наконечная

* Повесть Лидии Чуковской, посвященная трагедии предательства жертв репрессий их близкими

Издание Преображенского сотрудничества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд
«Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге:
в киоске «Предание»,
тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:
+7-964-534-64-55
(Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56
(Анна Гринман),
+7-965-128-15-07
(Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981
(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,
oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907

от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва,
ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 12 февраля 2014 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00,
фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 15 февраля 2014 г.

На Рождественских чтениях

Как на практике осуществить симфонию церкви и общества

В обсуждении этой темы на круглом столе «Сорботничество православных общественных организаций» участвовали представители Преображенского братства Владимир Лавренов и Юлия Балакшина. Само словосочетание «православная общественная организация» для нас, жителей России, не является чем-то из ряда вон выходящим. В стране, где эпитет «православный» не режет слух даже в таких сочетаниях, как «православный психолог» и «православный байкер»,

Владимир Лавренов и Юлия Балакшина

наличие «православных общественных организаций» воспринимается как само собой разумеющееся. В эту категорию входят самые разнообразные организации – от объединений и союзов православных хоругвеносцев, казаков, ветеранов военной разведки и спецназа до ассоциаций православных театральных деятелей, педагогов, меценатов.

Человеку, хотя бы немного знакомому с российскими реалиями, довольно сложно представить, как такие разные сообщества могут сотрудничать: их члены отличаются своими интересами, своими политическими предпочтениями и даже своими представлениями о том, как должна жить Русская православная церковь. Однако Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви и общества из года в год прикладывает существенные усилия по созданию условий для общения представителей всего спектра православных организаций. Одной из традиционных площадок такого диалога стал круглый стол «Сорботничество православных общественных организаций», который прошел в рамках XXII Международных Рождественских чтений 27 января в Международном фонде славянской письменности и культуры. Круглый стол открыл приветственным словом председатель Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества прот. Всеволод Чаплин, который призвал всех присутствующих на практике осуществлять симфонию церкви и общества, выходя за рамки узкого круга, контактируя с самыми разнообразными общественными силами: различными политическими партиями, военно-патриотическими объединениями, футбольными фанатами, культурными сообществами. Отец Всеволод также напомнил всем о необходимости активно информировать общественность о своей деятельности: «Иногда достаточно одной спички, чтобы люди возгорелись, чтобы разжечь животворящее пламя веры, воспламенить людей вестью о Христе».

В этом году, так же как и в прошлые годы, на круглом столе выступали представители самых разных течений в РПЦ с докладами различной тематики, однако во время дискуссий (а иногда и даже во время докладов) снова и снова возникали темы девальвации нравственных ценностей в обществе и событий в Киеве. И, как это обычно бывает при обсуждении острых вопросов, мнения высказывались самые разнообразные, вплоть до кардинально противоположных.

Не без усилий куратора круглого стола – о. Сергия Матюшина, секретаря Совета православных общественных объединений, участники, несмотря на все различия позиций по тем или иным вопросам и на иногда диаметрально разные представления о приоритетах той или иной деятельности, не опускались до перепалки, и если вели дискуссию, то достаточно мирно. Иногда разница подходов даже не декларировалась, а становилась очевидна из выступлений: многие докладчики говорили прежде всего о противостоянии негативным тенденциям в современном обществе, доклад же Юлии Балакшиной, руководителя проекта «Диалог Церкви и общества» Культурно-просветительского центра «Преображение», говорил прежде всего о стремлении освятить и согреть все, что есть в обществе творческого и созидательного. В нём удалось выявить основания, перспективы, а также три основных этапа сотрудничества православных организаций с различными общественными объединениями: встреча, сорботничество и собрание.

Свой вклад в понимание того, какими качествами должны обладать православные сообщества, всерьез настроенные на диалог с обществом, внес Владимир Лавренов, руководитель проекта «Церковно-общественные инициативы» КПЦ «Преображение», выступивший с докладом о православных братствах в истории и современности.

В течение круглого стола появлялось все больше желающих выступить с докладами, и к моменту его завершения (участникам поневоле пришлось разойтись и уступить место членам кружка изучения церковнославянского языка, которые уже час с лишним ждали, пока освободится помещение) чувствовалось, что осталось еще много невысказанного – мнений, идей, которыми участники хотели бы поделиться друг с другом.

«Православие light» отменяется?

Кто изучал иностранные языки или проходил курс слепой десятипальцевой печати, знает, как трудно запомнить и использовать верное произношение слова или расположение пальцев на клавиатуре после того, как привык к неверному. Похожие ощущения сегодня испытывают от 93 до 95 % крещеных людей в России, которым в свое время никто не показал, как это – быть христианами, и возможно ли это. Наверное, поэтому организаторы Рождественских чтений в этом году посвятили отдельный семинар проблемам катехизации после крещения.

Обсуждение подобной темы на одном из главных церковных форумов страны – событие знаковое. Самая болезненная и массовая проблема русского православия – номинальная, бездейственная, теоретическая вера, связанная с практикой крещения без подготовки, – стала предметом открытого и достаточно конструктивного разговора на общецерковном уровне.

Бог – заложник обещаний?

Крещение – как брак. Без участия обеих сторон не работает. Однако представление о том, что к принятию крещальных обетов нужно как-то готовиться, в Русской православной церкви стало закрепляться лишь в последние лет пять. Большинство крещеных людей вообще не подозревают, что давали Богу какие-то обещания. Четверть считающих себя православными никогда не заходят в храм. Больше трети заходят, чтобы поставить свечку. Треть участвует в крестинах, венчаниях и отпеваниях. И больше половины вообще не читали Библию. Эти цифры привел в своем докладе сотрудник Научно-методического центра по миссии и катехизации СФИ, преподаватель катехетики и катехизатор Владимир Якунцев.

Основную трудность оглашения крещеных, но малоцерковных людей, так называемых «захожан», он видит в том, что многие из них не только не знают о традиционном смысле крещения, но и привыкли считать «однозначно православными» свои суеверные представления о нем. Распространенность суеверий связана с тем, что их усвоение не требует сердечного труда, подчеркнул Владимир Якунцев. Кредо большинства крещеных людей – вера без усилий, христианство по возможности и по потребности.

Современному человеку трудно дать Богу «обещание доброй совести» (1 Пет 3:21). Но именно в этом – конечная цель катехизации, проводится она до или после крещения. Большинство людей уверены, что обещания может давать только Господь, констатировал Владимир Якунцев: они считают, что Бог обещал нам спасение и Сам теперь заложник собственного обещания (поэтому и таинства должны «работать» независимо от человека и его личной встречи с Богом). Православие вне решимости жить по вере приводит к тому, что вера выражается только в символах и знаках. Люди в принципе не верят в то, что христианская жизнь возможна, часто не знают о ее смысле и акцентах и ничего особенного не ждут от крещения, заранее мирясь со злом и грехом в себе и вокруг себя.

Бейджик или подрясник?

Одно из препятствий, которое нужно преодолевать на самом начальном этапе катехизации, – это недоверие, считает протоиерей Борис Балашов, настоятель Скорбященского храма (Клин). Должно быть место диалогу катехизатора и катехумена, в котором разрешаются вопросы и недоумения. «Если человека интересует Сам Господь и он стремится укрепить с Ним собственные личные отношения, то первейшая задача – помочь человеку научиться доверять Богу», – сказал отец Борис.

Правда, представления о том, как и за счет чего это можно делать, были озвучены самые разные. Так, после доклада протоиерея Александра Зелененко (Санкт-Петербург) о катехизации в форме приходского консультирования в зале завязалась серьезная дискуссия о том, какой консультант вызывает большее доверие у прихожан: с бейджиком, в подряснике или в халатике уборщицы. Но Евангелие говорит, что люди верили Христу, потому что Он учил их «как власть имеющий, а не как книжники» (Мк 1:22), а не потому, что у Него был красивый хитон или какие-то опознавательные символы.

Еще одна задача катехизации крещеных людей, тоже связанная с восстановлением их доверия Богу и Церкви, – помочь им разобраться в структуре и смысле богослужения, а значит, сделать его дух и смысл более понятными и жизненными. «При реальном воцерковлении человека стоит задача изучения чина литургии, смысла священнодействий и молитв священника,

анафоры», – сказал священник Александр Усатов, заведующий отделением дополнительного образования Донской духовной семинарии (Ростов-на-Дону).

«Крестик и тапочки»

Сегодня Отдел религиозного образования и катехизации Русской православной церкви разрабатывает единые требования к прошедшим катехизацию после крещения. О некоторых из них рассказал в своем докладе заведующий сектором катехизации Денис Туголуков. Конечно, никакой стандарт не в состоянии описать, что происходит с человеком, если в процессе оглашения он действительно освобождается от власти зла и греха и обретает силы и вдохновение, чтобы жить по-божески и по-человечески. Но хотя стандарт есть стандарт, а жизнь есть жизнь, ценна сама попытка приблизить представления о норме к Евангелию. В то же время и практика воцерковления, и «стандарты» христианской жизни в разных местах продолжают оставаться очень разнообразными. «Крестик, полотенце и тапочки» – такой ответ и сегодня рискует услышать во многих храмах человек, спросивший, что нужно, чтобы креститься.

Очевидно, что проблема веры, оторванной от жизни, своими корнями уходящая не просто в советское или постсоветское время, а в самые первые века христианской истории, не будет решена за один день, год или десятилетие. Понятно и то, что ее невозможно решить волевым или административным путем, без вмешательства Самого Бога и без людей, готовых потратить всю свою жизнь на свидетельство о возможности христианской жизни и лично понести все связанные с этим издержки. Ясно, что невозможно восстановить веру и доверие к Богу и Церкви, пока нет доверия между людьми и пока так повреждена вера в человека. Но проблема поставлена.

На Рождественских чтениях прошла презентация портала Катехео.ру

Наталья Адаменко, редактор портала «Катехео.ру»

Как помочь людям обрести силы и вдохновение, чтобы освободиться от смертных грехов? Возможно ли сегодня использовать в практике оглашения святоотеческие принципы? Как оценивать современный опыт с точки зрения традиции церкви, чтобы не упустить из виду главное?

Теоретическим и практическим вопросам миссии и катехизации посвящен портал «Идите, научите все народы» (kateho.ru, катехизация.рф), созданный Научно-методическим центром по миссии и катехизации (НМЦ МиК) при Свято-Филаретовском православно-христианском институте. 28 января на Рождественских чтениях состоялась презентация портала. О разделах и содержании интернет-ресурса рассказала его редактор, сотрудник НМЦ МиК Наталья Адаменко.

Материалы портала посвящены различным вопросам воцерковления взрослых людей, то есть постепенному вхождению их в церковную жизнь, в том числе через чтение Священного писания и научение личной молитве, через участие в православном богослужении и научение основам догматики, сакраментологии, христианской аскетике.

Воцерковление человека – это целостный путь, начинающийся с вопросов о Боге, мире и своем месте в нем и способный через обретение доверия к Богу привести к освобождению от грехов, страхов, суеверий, помочь человеку обрести силы жить по вере.

Сотрудники НМЦ МиК стремятся представить на портале разнообразный современный опыт, существующий на территории России и за рубежом, и рассказать о святоотеческой традиции миссии и катехизации. Главная особенность ресурса «Идите, научите все народы» – взгляд на воцерковление как на универсальный духовный процесс, который, независимо от разнообразия существующих в церкви форм миссии, требует соблюдения единых внутренних принципов.

По материалам репортажей Дарьи Макеевой (Информационная служба Преображенского братства) и Софьи Андросенко (Информационная служба СФИ). Фото: Николай Токарев

Псковский кафедральный Свято-Троицкий собор в период Великой отечественной войны

В июле 1911 года отец Кирилл по собственному личному прошению был назначен на должность Полоцкого епархиального противосектантского и противокатолического миссионера. Нужно понимать, что в той обстановке этот шаг с точки зрения человека житейски здравомыслящего был по крайней мере безрассудным. В Полоцкой епархии с традиционно сильным католическим влиянием после «смутного» 1905 года и вышедшего тогда Манифеста о веротерпимости миссионерская ситуация была крайне затруднительной. Католическая миссия, не сдерживаемая государственной властью, теперь не только усилилась, но подчас проявлялась в крайне нетерпимых к православию формах. Большинство клира и мирян православной церкви были не готовы к новым условиям церковной жизни. Именно отец Кирилл был одним из немногих, кто не только не боялся трудностей и вызова мира сего, но и знал, как можно помочь Церкви и укрепить народ Божий.

Он совершенно справедливо считал, что главным орудием в противосектантской и противокатолической миссии должны стать усилия по исправлению церковной жизни у самих православных. Духовное просвещение, создание приходских братств, активное участие мирян в богослужении (в том числе общенародное пение), борьба с пьянством и суевериями – это и многое другое рассматривал епархиальный миссионер как средства по укреплению православия в Полоцко-Витебской епархии. Неоднократно отец Кирилл проводил в епархии специальные миссионерские курсы для мирян, а в 1912 году под его началом прошёл епархиальный миссионерский съезд благочинных. Зачастую он лично выезжал на приходы с тяжёлой церковно-духовной обстановкой.

Участник Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. от Полоцко-Витебской епархии, отец Кирилл активно трудился на всех трёх сессиях собора в отделе «О богослужении, проповедничестве и храме». Ещё в предсоборный период он активно включился в обсуждение животрепещущих вопросов, связанных с православным богослужением. Статьи, затрагивающие эту тему, отец Кирилл публиковал не только на страницах «Полоцких епархиальных ведомостей». Так, например, в 1907 году в казанском издании «Общественно-церковная жизнь» он с горечью размышлял на тему богослужебного языка: «Не странно ли, что молитву надо «объяснять»? Ведь молитва должна быть свободным обращением ума и сердца к Богу»³. Священник-миссионер отмечал, что непонятность богослужебного языка является определяющей причиной отпадения православных от веры своих предков: «Народ жаждет сознательной христианской жизни, почему и бросается во все исповедания, отыскивая пищи для утоления душевного голода, который ему не даёт из богатой своей сокровищницы Православие!»⁴

Всероссийский поместный собор начинался в одной стране, а заканчивался в другой. Витебская губерния, а с ней и Полоцко-Витебская епархия оказались разделёнными между тремя государствами: советской Россией, Польшей и Латвией. Новый период жизни и служения

«Народ жаждет сознательной христианской жизни»

начался и у протоиерея Кирилла Зайца. Очень скоро он становится ближайшим сотрудником и надёжной опорой архиепископа Рижского Иоанна (Поммера), настоятелем кафедрального собора, преподавателем Рижской духовной семинарии, редактором православного журнала «Вера и Жизнь». Однако после десяти лет плодотворной службы о. Кирилл вынужден был уйти за штат в связи с трагическими обстоятельствами: в соборе была обнаружена растрата крупной суммы денег. Впоследствии о. Кирилла звали вновь занять место в штате, но он так и не вернулся, поскольку считал произошедший за это время переход Латвийской церкви в юрисдикцию Константинополя неканоническим. Так восемь лет он жил трудами своих рук на хуторе.

С включением Прибалтийских республик в состав СССР началась новая страница их истории. Это неизбежно коснулось и церковной обстановки. Уже летом-осенью 1940 года на страницах прессы появляются заметки антирелигиозного содержания, закрываются все духовные школы, церковь теряет своё имущество, недвижимость и причтовые земли, разоряются церковные издания и духовные библиотеки, начинаются репрессии в отношении церковнослужителей, пик которых пришёлся на июнь 1941 года. В это время был арестован и выслан на Север в лагерь сын отца Кирилла Николай Зайц (он погиб в заключении 8 марта 1942 года). Сам отец Кирилл в то время не подвергся репрессиям, так как не числился в клире ЛПЦ и не занимался в тот период активной церковной и миссионерской деятельностью. Однако именно в такое время он не собирался избегать опасностей, грозивших всем служителям церкви. За 11 дней до начала войны СССР с Германией в приёмную Экзаршего управления в Риге пришёл статный высокий старик. Это был заштатный протоиерей Кирилл Зайц, пожелавший встретиться с митрополитом Сергием (Воскресенским). Отец Кирилл со свойственными ему скромностью и решимостью обратился к Экзарху с такими словами: «С воссоединением Латвийской Церкви с Московской Патриархией считаю благовременным обратиться к Вашему Высокопреосвященству дать мне возможность вновь поработать на пользу святой Православной церкви в Рижском кафедральном соборе». Экзарх исполнил прошение протоиерея Кирилла, и тот вернулся к престолу Божьему и миссионерским трудам⁵.

Всеми предвидимая, но всё-таки неожиданно начавшаяся война между советской Россией и Германией принесла не только множество смертей и разрушений, но и до предела обострила миссионерскую ситуацию на оккупированных территориях СССР. Действительно, когда человек теряет привычные основания жизни, когда, казалось бы, устойчивый мир безвозвратно рушится, остаётся одна надежда на милость Божию.

1 июля 1941 года немецкие войска заняли Ригу. Экзарх Сергей, благодаря переговорам с оккупационными властями, сохранил Прибалтийский экзархат в юрисдикции Московской Патриархии, оставаясь его главой. Скоро Рига остаётся в глухом тылу.

Уже в первые месяцы войны в немецком плену оказалось около 3 миллионов красноармейцев. Стихийные лагеря военнопленных в огромном количестве возникли на территории Прибалтики, в том числе в окрестностях Риги. Участь плененных красноармейцев была плачевной, и ждать помощи было неоткуда. В середине августа митрополит Сергей (Воскресенский) получил разрешение немецкого командования православным священнослужителям посещать лагерь военнопленных. Специально для материального и духовного окормления нужд плененных была создана Внутренняя православная миссия, во главе которой по благословению Экзарха становится протоиерей Кирилл Зайц. Кроме отца

Кирилла в число сотрудников Миссии вошли ещё восемь священников. Они без устали посещали лагерь и лазареты военнопленных, совершали богослужения, таинства, проводили беседы и утешали несчастных Евангельским словом, передавали собранное населением продукты и одежду. Отец Кирилл, несмотря на преклонный возраст, ежедневно посещал военнопленных, о чём сохранились записи в его дневнике. Вот один из таких фрагментов: «14.09. Воскресенье. Выехали к пленным (в лагерь на Пернавской ул.): прот. К. Зайц, священник Г. Бенигсен, диаконы Мельников, Евстафьев, Цыпурдеев. Совершена была на площади на антиминсе Литургия, устроена общая исповедь и приобщено пленных около 1500 человек, всех желающих причастить было нельзя, не хватало Даров, вернулись поздно. Просили и остальные дать им возможность причаститься»⁶.

К сожалению, очень скоро деятельность Внутренней миссии была прервана по приказу оккупационных властей. В октябре из Берлина пришла директива, по которой никто из гражданских лиц (в том числе духовные лица любой из конфессий) не имел права посещать лагерь военнопленных. Отец Кирилл воспринял эту указание как личную трагедию.

В то же время на прифронтовых территориях России (современные территории Псковской, Новгородской и Ленинградской областей) начала активную деятельность по возрождению церковной жизни Внешняя православная миссия. Ядром Миссии стало духовенство из Прибалтийского экзархата. Управление Миссии, исполнявшее функции епархиального управления, разместилось в стенах древнего Псковского кремля. С 1 декабря 1941 года начальником Управления Псковской миссии по инициативе Экзарха Сергия был назначен протоиерей Кирилл Зайц. Таланты и миссионерский опыт отца Кирилла были, несомненно, востребованы здесь, на русской земле, обильно политой кровью мучеников, на земле, где выросло целое поколение, отлучённое от Церкви, от Бога, от слова Истины.

Отец Кирилл не только руководил Управлением Миссии и направлял усилия миссионеров по возрождению церковной жизни, но и сам много служил, проповедовал, беседовал и направлял народ, принимал деятельное участие в создании церковных школ. Один из сотрудников Миссии вспоминал об отце Кирилле таким образом: «Одет очень скромно: постоянно в одной рясе и одних сапогах. Другой раз едет на требы в калошах, – единственные сапоги сдал в ремонт. Очень ревностный был пастырь, чрезвычайно яркая личность»⁷. К двухлетию деятельности Псковской Миссии указом Экзарха Сергия отец Кирилл «в воздаяние миссионерских заслуг» был возведён в сан протопресвитера.

19 февраля 1944 года после стремительного наступления Красной армии немецкое командование объявило о тотальной эвакуации всех мирных жителей Пскова в Прибалтику. К этому времени в Прибалтийском Экзархате активную деятельность развернула Внутренняя Православная Миссия, главной задачей которой стало духовное и материальное попечение о беженцах и населении, насильно вывезенном с прифронтовых территорий России. Руководителями и активными служителями Внутренней Миссии зачастую становились миряне и духовенство из числа Псковской миссии (официально прекратившей свою деятельность 19 февраля). Руководителем Внутренней Миссии в Литве по благословению Экзарха Сергия с 12 марта 1944 года становится протопресвитер Кирилл Зайц. Это было последнее церковное назначение, связанное с миссионерским служением, которое получил отец Кирилл в своей жизни... Линия фронта неуклонно приближалась, смута и паника охватывала население, количество беженцев достигало фантастических размеров. Протопресвитер Кирилл оставался на своём миссионерском

Памяти протопресвитера Кирилла Зайца

Начало на с. 1

посту до последней минуты... В конце июля 1944 года части Красной армии заняли Шавли (ныне Шяуляй). Одним из первых был арестован отец Кирилл Зайц и заключён в Вильнюсскую тюрьму. В августе того же года его переводят во внутреннюю тюрьму НКВД в Москве, а с 28 сентября на время следствия в Ленинградскую тюрьму Кресты. Главное обвинение, предъявленное руководителю Псковской Миссии, – антисоветские проповеди и сотрудничество с нацистскими спецслужбами. Военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа своим решением от 12–15 января 1945 года приговорил Кирилла Ивановича Зайца, на основании статьи 58-1а и статьи 58-11, к лишению свободы с отбытием в ИТЛ сроком на 20 лет. В августе 1945 года отец Кирилл был отправлен в Карлаг (Казахстан, посёлок Долинка, п/я № Р-246), где и окончил дни своей земной жизни 28 октября 1948 года.

Через восемь лет после смерти протопресвитера Кирилла в период «оттепели» было пересмотрено уголовное дело в отношении сотрудников Управления Псковской миссии, по которому вместе с другими мирянами и священством проходил и начальник Миссии отец Кирилл. В ходе проверки было установлено, что «показания подписывались в следствии угроз физического и психологического воздействия». Кроме того, после запросов, сделанных в компетентное ведомство, пришёл ответ о том, что «данных о связях осуждённого Зайца (и других миссионеров) с немецкой разведкой не имеется»⁸. В ходе проверки подтвердились факты недовольства отца Кирилла советским строем, однако после смерти Сталина подобные заявления не могли караться столь суровыми мерами. Это вынуждены были констатировать сотрудники Военного трибунала Ленинградского военного округа в Определении, по которому приговор от 12–15 января 1945 года был отменён, дело прекращено, а заключённые подлежали немедленному освобождению из мест заключения⁹. Не все дожили до этого дня...

Сегодня в России по-прежнему неоднозначно оценивают деятельность Псковской миссии и самого протопресвитера Кирилла Зайца. Для кого-то он, как и для органов госбезопасности в 1945 году, – предатель русского народа и пособник немецких оккупантов, несмотря на реабилитацию и мученическую смерть в сталинском лагере. К сожалению, голоса осуждения раздаются нередко и с внешне церковной стороны, ратующей «за чистоту рядов православия», ориентированного на служение Кесарю. Эти люди, осуждая служителя Божьего и праведника, остаются в своих мыслях и делах представителями Советской языческой империи, которая требовала и требует жертв, жертв кровавых, жертв человеческих, но что самое страшное, жертвы собственной совестью, что неотвратимо приводит к абсолютной глухоте к правде и воле Божией. Светлый же облик протопресвитера Кирилла, несмотря на все испытания при жизни и все наветы современных, цель которых – предать имя его очернению и последующему забвению, всё же сохраняется в памяти Церкви Христовой и служит для нас сегодня примером в неуступном мужественном следовании за Спасителем.

Константин Обозный

¹ Зайц Кирилл, прот. Заботы Эржепольского Свято-Покровского православного братства о народном просвещении // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 114–115.

² Там же. С. 115.

³ Балашов Николай, прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 50

⁴ Там же. С. 59–60

⁵ LWA. (Латвийский государственный исторический архив). Ф. 7469. Оп. 1. Д. № 138. Л. 1.

⁶ Зайц Кирилл, прот. Дневник 1941 г. рукопись // Личный архив прот. Андрея Голикова.

⁷ Кирилл (Начис), архим. Народ жаждал молиться. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 2002. № 26–27. С. 199.

⁸ Определение военного трибунала Ленинградского военного округа № 725-Н-56 // Псковские Хроники: История края в документах и исследованиях. Вып. 4. Псков, 2004. С. 35, 36. (Орфография оригинала.)

⁹ Там же.

О народе и верности

Одно из качеств, показывающих, что то или иное издание живо, – отклики читателей. Поэтому мы всегда с радостью публикуем их – оставляя, по обычаю многих современных изданий, за автором оспариваемой статьи право на продолжение дискуссии

В декабрьском номере «Кифы»* (последнем в 2013 году) появилась статья Александры Колымагиной об отречении последнего российского императора. Статья эта напоминает, как значима для нас наша история и как мало мы ее понимаем. Именно поэтому очень хочется на нее отозваться.

Основная мысль статьи выражена в трех тезисах. Первый – это неприятие «исторического детерминизма», т. е. рассуждений о предешедшем. Это неприятие автор подкрепляет вторым тезисом – о значимости личного выбора, о том, что не исторические закономерности, а решимость «мужественных, праведных, верующих и верных» может определить ход событий. В конце же появляется и третий тезис о покаянии, которое может сделать население народом.

Можно поддержать Александру в ее отказе от детерминизма и вере в мужественное решение немногих верных. Однако от детерминизма так просто не отделаться. Бывает так, что решение принимать уже поздно. То ли малодушие, то ли властолюбие, то ли лень блокируют решимость, а потом оказывается что «точка невозврата» пройдена. Я думаю, что именно это и относится к отречению Николая II. Оно произошло в цепи уже необратимых событий. Сейчас невозможно понять, когда они начались, но наши предки «не узнали время посещения своего». И это не какой-то исторический рок. Как ни протестуй против детерминизма, но социальные механизмы все-таки существуют, и когда они запущены, бывает поздно что-либо предпринимать.

Здесь есть урок и для нас. Горько будет думать о том, что и мы прозвали, не заметили время и место, когда нужно проявить верность и мужество. Или, что еще вероятнее, заметили, но не решились.

Теперь о двух других тезисах. К сожалению, в них содержится понятия, которые кажутся ясными, поскольку используются часто. В действительности же они совершенно неясны, их значение лишь подразумевается, но не раскрывается по существу. Выдавать же непонятное за понятное – дело весьма опасное. Поэтому хорошо бы разобраться, о чем здесь вообще идет речь. Начну с последнего – с народа и населения. Привычность этих слов очень сильно обманывает. В предложенном сочетании ясна лишь оценка: быть народом хорошо и правильно, а быть населением – плохо. Попробуем, однако, разобраться. Начнем с «народа». Откуда взялось в нашем языке это слово? Вспомним, как часто его использовали советские идеологи. Но они его не придумали. Они заимствовали его у авторов XIX столетия, у идеологов преимущественно националистического толка. Те же использовали разработки, появившиеся еще столетием раньше. Здесь достаточно указать на «Общественный договор» Жан-Жака Руссо, послуживший основой как позднейших идеологий, так и связанных с ними практик. Руссо описывает правильное государство, которое должно обеспечить относительную свободу и счастье каждого в отдельности и всех вместе. Это государство должно быть полным и совершенным выражением единой воли и сознания некоего коллективного субъекта, в котором слиты воли и сознания отдельных лиц. Для создания государства они должны достичь абсолютной консолидации. Этот коллективный субъект и называется народом. Еще Руссо называет его «сувереном», поскольку именно он обладает всей полнотой власти. Суверенитет означает сосредоточение власти, а также право делегировать ее отдельным лицам или институтам.

Ясно, что понятие о народе как суверене – чистая утопия. Такой коллективный субъект невозможен. Однако эта утопия и составляет основной смысл понятия «народ». Именно она оказалась «руководством к действию» для многих политиков. Политическая история 19-го

века связана, главным образом, с развитием национальных государств. Интересно соотношение практики этих государств с их идеологией. Последняя провозглашает народ не только источником власти, но и носителем всех мыслимых достоинств. Народ и созидает культуру, и производит материальные ценности, и обладает высокой нравственностью, и оказывается последним судьей во всех значимых вопросах. На практике же дело сводится к повседневной работе политических и социальных институтов, в частности, к деятельности бюрократических структур, осуществляющих реальную власть. Они действуют от имени народа и в его интересах. Но поскольку народ существует лишь в умах идеологов, государственная бюрократия получает возможность преследовать свои корпоративные интересы, называя их народными (национальными) и иногда даже честно в это веря. Эффективность управления требует единства, т. е. однородности управляемых масс. Этим и оказывается в реальности «народ». Носитель единой воли должен обеспечивать деятельность государственной бюрократии, превращаясь одновременно в объект управления. Этот объект и есть население. Чуть ли не основная его функция – оставлять солдат для массовых армий, создаваемых на основе всеобщей воинской обязанности. Это изобретение Французской революции распространилось в течение XIX века по всей Европе и является своего рода символом национальной идеи. Если государство затевает войну, то воюет весь народ. На самом деле в войну оказывается втянуто именно население, однородная, пересчитанная масса, людской резерв государства. Народ и население – это одно и то же, только по-разному понятое. Население – это практическая реализация идеологической схемы, вложенной в понятие «народ». Заметим, что сам термин «население» начали использовать в современном значении именно в XIX веке (т. е. тогда, когда понятие «народ» стало активно эксплуатироваться идеологами).

На сказанное можно возразить, что вовсе не Руссо придумал слово «народ». Оно существует в весьма древних документах, в том числе и в Библии. Смысл его там весьма отличен от описанного. Впрочем, везде разный. Афинский «демос» – явно не то же самое, что избранный народ Израиля. О чем же говорит Александра, противопоставляя народ и население? Я полагаю, что речь идет все же о руссоистско-националистической идеологии, поскольку именно на ней основано нынешнее употребление этого слова. Язык сильнее, чем нам иногда кажется. Значение слов закреплено в нем традицией их использования, и даже когда мы хотим сказать что-то свое, эта традиция тянет свой смысловый шлейф. Мы думаем, что мы используем язык, но очень часто он использует нас. Смыслы слов, помимо нашего сознания и наших намерений, проникают в речь и оказывают воздействие на слушающих и читающих, да и нас самих (говорящих и пишущих). Борьба с языком, попытка вернуть слову его прежнее (якобы истинное) значение чаще всего бесплодна. Если уж и затевать ее, то нужно хотя бы понимать, на что идешь. Опыт показывает, что это – поединок с ветряной мельницей. Говоря «народ», мы неизбежно втягиваемся в идеологическую кампанию, начатую во времена Руссо и идущую до сих пор, потому что именно этот смысл закреплен в нашем языке.

Теперь о втором тезисе, о верности и решимости. Александра пишет о верности дворян суверену. Многозначительный оборот. Он как будто отсылает к аристократическому кодексу чести. Но тогда нужно говорить о верности сюзерену. Но в том-то и дело, что сюзерена в то время не было. А суверен был! Кто такой суверен, я написал чуть выше. Впрочем, тут требуются некоторые уточнения.

Как-никак вопрос стоит о личной верности, о решимости быть верным вот этому человеку, тому, кому эта

Петроград, 1917 год. Из личного дневника Луи де Робена, атташе французского посольства в России в 1914-1918 годах

верность обещана, кого ты признал своим государем. Все это, однако, едва ли применимо к отречению последнего императора. Оно имело более простой смысл: устранение от власти несостоятельного политика с целью предотвратить окончательную катастрофу. Предотвратить не удалось. Если же говорить о верности, то Николай уже не имел на нее прав. Не только по своей вине – постарались его предшественники, которые на протяжении столетий искореняли в дворянстве тот самый аристократический кодекс. Кодекс этот действительно требует верности, только верности не безусловной. Аристократ умеет служить и повиноваться, признавая другого высшим. Он верен ему в силу принесенной присяги, нарушить которую – бесчестно. Однако тот, кому присягают и служат, тоже берет на себя определенные обязательства. Существенная часть этих обязательств – уважение к личному достоинству дающего присягу. Аристократ – не слуга. Его служение не подразумевает безусловного старшинства сеньора и абсолютного повиновения вассала. Сеньор или сюзерен может потребовать далеко не все. Взаимные обязательства и взаимное уважение создают в аристократическом сословии отношения равенства, странным образом дополняющие иерархические связи между вассалом и сеньором.

Именно этот стиль отношений оказался совершенно неприемлем для русских царей. Иван Грозный был первым решительным борцом с аристократизмом и аристократией. Александра отказывает князю Курбскому в восхищении, по-видимому, потому, что он оказался неверен. Я же думаю, что он достоин если не восхищения, то уважения. Для него царь – сюзерен, нарушивший свои обязательства. Нарушивший прежде всего тем, что грубо попирает достоинство своих вассалов. Но действуя так, сюзерен не может требовать верности. Царь же хотел быть не сюзереном, а сувереном. Ему нужны были не вассалы, а холопы, служащие без всяких условий, главное – без всяких претензий на личное достоинство.

Борьба русских царей с аристократией тянулась долго и закончилась полной победой первых. Место аристократии заменила бюрократия, место дворянской верности – холопское чиновничье. Здесь возникла опасная идеологическая подмена. Верность государю, любовь к Отчеству, в которых клялись многие, означали лишь прочную встроенность в бюрократическую систему, в отношения господства и подчинения. Хороший идеологический ход: если ты не подчиняешься начальнику или говоришь не то, что велено, ты не любишь Отчество и не верен государю. Но верность и любовь есть там, где есть уважение и равенство. Там же, где этого нет, будет либо безразличие, либо фанатизм.

Аристократический кодекс, наверное, не пример для подражания. Здесь не место обсуждать подробно понятие аристократизма (хотя недурно бы и в этом разобраться). В любом случае, аристократией мы не станем. Но мы можем стать гражданами и ответственными членами Церкви, что невозможно без ясного осознания как чужого, так и своего собственного достоинства, т. е. без взаимного уважения и равенства. Народ – явно не та община, где все это осуществляется. Населению, я полагаю, следует противопоставить гражданское общество.

Григорий Гутнер

* № 16 (170) - Прим. ред.

Я рада тому, что статья о «Красном Колесе» задела за живое. И это очень понятно: сам роман не может оставить равнодушным ни одного читателя. Наверное, потому, что он ломает все привычные схемы и стереотипы и выходит за рамки мифов и идеологем. Увы, мы привыкли думать об истории, и прежде всего о нашей, русской истории в категориях мертвых обобщений – «русские цари всегда...», «Николай был всего лишь несостоятельным политиком...», «преданностью считалось лишь слепое подчинение...» Солженицын же обращает нас к живому многообразию того мира, который трагически погибал в страшные дни 1917 года (последний том так страшно читать, что больше нескольких страниц подряд просто невозможно выдерживать – и это не только мое впечатление). Как ему это удалось сделать, составив роман во многом из документов, фрагментов статей того времени и воспоминаний современников – для меня загадка. Но это так. И почти каждого человека, участвовавшего в тех событиях, начинаешь видеть живым и чаще всего достойным сострадания, даже если он имел множество недостатков и совершал ошибки.

Конечно, моя статья не могла остаться на высоте,

заданной составляющими большую её часть цитатами, и избежать обобщений. И все-таки мне кажется: моё утверждение о том, что верности «не хватило всем» менее схематично, чем утверждение о том, что русские цари никогда не видели равных в окружающих их дворянах – так что сами виноваты. Взаимные обязательства слишком соблазнительно начать воспринимать таким образом (только старший сам всегда во всем виноват) – но ведь обет верности не может звучать примерно так: «Государь! Я буду Вам верен, пока Вы будете состоятельным политиком». Нужны очень серьезные причины для того, чтобы отказать в своей верности тому, кому ты её однажды отдал. И эти причины – не политические, не эмоциональные и не «вкусовые»; иначе вообще не о чем было бы говорить.

Этому аристократическому кодексу, несомненно, противостоит главное «изобретение Французской революции» – идея равенства, являющаяся, по меткому замечанию Бердяева, прежде всего посягательством на свободу*. Мифологизация равенства приводит лишь к тому, что люди не могут больше ни свободно проявить себя, ни свободно и великодушно признать другого выс-

шим по отношению к себе.

И еще – о народе. Нужно сказать, что чтение «Красного Колеса» избавляет от каких бы то ни было народных иллюзий: после того, как начинаешь воочию представлять ужас, творившийся после «мирного Февраля» в Петрограде, а вскоре и во всей стране, вряд ли когда-нибудь сможешь увидеть в народе мерило всех вещей. Но верность – это не то, что связано с очарованием или разочарованием. И я думаю, главное здесь – не изменять той точной ноте, которая звучала, скажем, в стихах Анны Ахматовой. Трудно представить себе, чтобы Анна Андреевна оказалась жертвой идеологем; и так же трудно представить себе, чтобы известные строки звучали так: «Нет, и не под чуждым небосводом, и не под защитой чуждых крыл, я была тогда с моим населением (или: с гражданским обществом**)...» И дело тут вовсе не в нарушении ритма и рифмы.

Александра Колымагина

*См. напр., статью Н. Бердяева «Философия неравенства».
**Это вовсе не значит, что на своем месте, как одно из проявлений ответственности и способности к самоорганизации, т. е. одного из важнейших качеств народа, гражданское общество не заслуживает уважения и содействия.

Солидарность во имя опального Бога

К десятилетию кончины Сергея Сергеевича Аверинцева мы публикуем одну из его статей, вошедших в сборник «Римские речи. Слова»

Тысячелетняя иллюзия «христианского», «православного» народа распалась на наших глазах. Все, что из христианской традиции могло быть разрушено, без колебаний подвергалось уничтожению, планомерному и крупномасштабному, а выстоять могла только нагая вера, сама себе ставшая поддержкой. О, какой убедительной бывает вера, предоставленная себе самой, когда из-под нее выбиты опоры, но пламенные языки Пятидесятницы все еще способны просиять в воздухе – «Omnia possideat, non possidet aera Minos» («Всем владеет Минос, а воздухом не владеет»¹)!

У нас была возможность на своей шкуре почувствовать то, что когда-то отложилось в так называемом «Послании к Диогнету» – вполне захватывающем литературном памятнике II в.: «Ни страна, ни язык, ни обычаи не отличают христиан от других людей. Гражданские обязанности мы несем наравне с местными жителями, но нас преследуют наравне с чужаками. [...] Всякая родина для нас как чужая страна...»

О таких вещах нельзя говорить, смягчая их или доводя до патетики. Небывалое до сих пор уничтожение разрушило ценности, и они утрачены безвозвратно. Было взорвано множество молитвенных сооружений, прежде всего бесчисленных великолепных церквей России, а также синагог и мечетей; в пламени погибло множество драгоценных икон; но в первую очередь, если сказать бессмертными словами Андреаса Грифуса², «сокровище души также было отнято у столь многих» («auch der Seelen Schatz so vielen abgezwungen»). Да, массовое отступничество, обусловленное самой банальной нестойкостью, – вот в чем суть сего совершенно особого, незабвенного феномена. Да, сотни и тысячи показали себя героями веры, стали мучениками и исповедниками, но ведь миллионы стали конформистами, ренегатами и даже предателями. Однако никто, не имеющий личного опыта, да не произносит поспешных осуждений! Если гонения накаывают вдруг, трагически, даже в известном смысле как сенсация, бывает относительно легко, собравшись с единомышленниками, отважиться на решительное сопротивление. А если гонения тянутся десятками лет и становятся самой банальной, естественной повседневностью, если новые поколения людей с самого рождения попадают в соответствующую атмосферу, тогда неудержимо утрачивается то, что Честертон назвал «the innocence of anger and surprise», «непосредственность возмущения и оторопи», т. е. утрачивается спонтанность человеческой реакции на бесчеловечность. «And lost is all the innocence of anger and surprise» («И утрачена вся непосредственность возмущения и оторопи») – такими словами английский поэт точно характеризовал состояние, наиболее недостойное человека. Около десяти лет отроду я слышал рассказ одной пожилой крестьянки про жизнь в ее родной деревне. Как бы между делом она упомянула, что в то время, когда деревенская церковь еще не была закрыта и разрушена, местные «комсомольцы» (члены Коммунистического союза молодежи) в день престольного праздника залезли на колокольню и оттуда сверху стали мочиться на крестный ход внизу, т. е. на своих собственных родителей, дедушек и бабушек. Когда я ныне думаю об этом, меня не столько поражает отвратительность самого события, сколько тональность нашего разговора о нем.

Ни пожилая женщина, которая, надо сказать, сохранила веру, ни я, мальчик из вполне гармоничной семьи интеллигентных людей, сохранивший о доме и о взаимоуважении родителей только самую добрую память, – никто из нас не ощущал ни удивления, ни возмущения. Огорчены – о да, огорчены, оскорблены, унижены были мы оба; даже и сейчас, когда говорю об этом, меня охватывает горестное чувство от парализующего бессилия. Вероятно, оно останется со мной до смертного часа. Так мы сидели – пожилая женщина и ребенок, и сам наш возраст, возраст бессилия, служил напоминанием, что перед лицом торжествующей бесчеловечности мы ничего не можем поделать, совсем ничего. Но ведь мы не были ни поражены, ни возмущены. Разве кто-либо испытывает удивление и возмущение, когда ему поведали историю из повседневной жизни? А это была именно повседневная история, история из череды долгих советских десятилетий, казавшихся бесконечными; в таком качестве она была рассказана и воспринята; а я, наивный десятилетний мальчик, тем не менее накопил уже достаточно опыта и точно знал, что обыденная жизнь за пределами нашего семейного круга (и это означало – за дверями нашей комнаты в коммунальной советской квартире, в которой еще проживало несколько семей) – устроена именно так, а не иначе.

Так оно и продолжалось: уничтожалась не только вера, но и самое элементарное чувство уважения и самоуважения. В то же время в отчаянной ситуации

всеобщего натиска на веру оказалось, что под вопрос поставлены и даже исчезли границы между верующими, между конфессиями, а в какой-то мере и между религиями. Именно вызов советского времени позволял вернуться назад к наиподлинному, к самой сути и тем самым к утраченному единству.

Как известно, русский православный философ Лев Карсавин, довольно резко критиковавший католичество и не отступавший от своей критики, тем не менее перед своей кончиной в ГУЛАГе принял св. причастие из рук католического священника. Об этом факте многие знают.

Но я расскажу вам другую историю времени сталинского ГУЛАГа, услышанную мной лично от самого ее участника. В то время юный, теперь уже престарелый католический священник латышского происхождения встретился в ГУЛАГе с земляком – пожилым латышом евангелико-лютеранской конфессии. Священник заметил, что старик близок к смерти, и предложил ему причаститься, причем, естественно, какой-либо конфессиональный «переход» как условие не выставлялся. Предложение было принято, и с великой радостью. И вот католический священник, как положено, опрашивал причастника в порядке членов Апостольского Символа веры; так он подошел и к члену о вере «во святую католическую (= вселенскую) Церковь» («credo in Sanctam Ecclesiam Catholicam»). Конечно, Апостольский символ принят также и в евангелико-лютеранской конфессии, однако старик-мирянин не имел достаточного богословского багажа, и возникло опасение, как бы он не понял слово «католический» в конфессиональном смысле – как признак того, что его все-таки вероломно принуждают к переходу.

Поэтому священник переформулировал вопрос: «Веруешь ли в Церковь, основанную Спасителем?» И сейчас исчезли конфессиональные различия между этими латышами, по крайней мере на данный момент. Ужасная реальность сталинского времени возвратила (точнее сказать, вынудила) того и другого к первичной христианской реальности веры: к Ecclesia Christi, к Церкви Христовой. Католический священник, о котором говорю, – искренний служитель Бога, и длительное близкое знакомство с ним всегда означало для меня великую и незаслуженную честь, – так вот, он, собственно говоря, совсем не был «broadminded» («человеком широких взглядов»), совсем не был прогрессистом, а был скорее старомодным и консервативным человеком. По-моему, это придает всему эпизоду еще большее значение. Отход священника от конфессионально понятой идентичности «Sancta Ecclesia Catholica» («Святой Католической Церкви») к первичной идентичности Церкви, заложенной и основанной самим Христом, не был либеральным жестом, свидетельствующим о более свободном, «экуменическом» умонастроении, а был просто и исключительно решением, исходившим из его чистой веры (и естественно также, вследствие человеколюбия, неотделимого от веры).

Кратко перескажу еще одну вещь. В Москве жили две пожилые женщины, дружившие на протяжении весьма долгого времени, хотя одна была католичкой, а другая православной. В сталинские времена католичка долгие годы провела в ГУЛАГе; также и православная женщина перенесла испытания. Когда же 7 декабря 1965 г. Папой Павлом VI и Патриархом Афинагором были сняты взаимные отлучения 1054 г. между католическим Римом и православным Константинополем, православная женщина позвонила по телефону своей католической подруге и сказала ей вполне лаконично, но с торжественностью: «О, поздравляю тебя!» (В Советском Союзе люди опасались проговориться в телефонном разговоре, так как разговоры нередко прослушивались.) А другая женщина не задала вопроса: «С чем поздравляешь?» Она мгновенно все уловила и сказала только: «Большое спасибо, и я тебя поздравляю!»

Так это когда-то было, и мы ради Бога обязаны помнить об этом когда-то бывшем. Нам следовало бы вновь и вновь возвращаться к ситуации тогдашней «экуменической встречи», обдумывать, переживать ее. Ибо иначе – мне страшно произносить сии ужасные слова, но так обстоит дело – ибо иначе, вероятно, будет нужно всех нас снова поместить в гулагодобную экстремальную ситуацию, чтобы хотя бы в этом положении мы смогли распознать первичные истины и истинные масштабы вещей.

Драгоценный опыт был куплен страданиями других людей, но предлагается он – нам. Едва ли можно отрицать, что та экумена ГУЛАГа представляется намного более убедительной, чем некоторые официальные экуменические контакты, как бы они ни были полезны сами по себе.

Впрочем, своими рассказами я, собственно, не вправе возрождать смертельную серьезность подобных эпизодов. О ней могут говорить только сами те терпеливцы, те отважные исповедники, те люди, которые

самое трудное приняли на себя и испили чашу до дна. По сравнению с этими фронтовиками в битве за веру я всегда был лишь одним из тыловиков и об этом всегда помню.

Потому перехожу к более скромному, лишенному патетики предмету – к моему собственному, сугубо личному опыту жизни в советское время.

Я родился в семье научных работников, которая не была ни коммунистической, ни атеистической, но которая тем не менее многое восприняла от агностицизма XIX века или даже прямо от деизма эпохи Просвещения. На мой первый детский вопрос: «Что такое Бог?» – мама ответила вполне деистическим образом: «Высшее Существо» (ср. *Etre Supreme*).

Поэтому, хотя у меня в детстве и юности на самом деле были религиозные интересы и (довольно расплывчатые) религиозные представления, церковной практики у меня не было; я не являлся «практикующим» христианином. В то же время я проглотил множество религиозно-философских книг, взятых у друзей или, по недосмотру библиотекарей, полученных в московских библиотеках, а также найденных в букинистических магазинах. (Букинистические книги были у нас тогда сказочно дешевы, в чем можно усмотреть приятный побочный эффект от неприятной культурной ситуации.) Естественно, я прочитал многих православных русских авторов; но сегодня я хотел бы подчеркнуть тот факт, что среди книг, которым я обязан своим обращением к православной практике сакраментальной и солидарной общинной жизни, присутствовали также католические, лютеранские, англиканские работы, равно как труды великого реформатского богослова Карла Барта³. С восторгом были прочитаны: Роман Гвардини⁴, Эрх Пшивара⁵, Ганс Урс фон Бальтазар⁶, а также Пауль Тиллих⁷ и Дитрих Бонхёффер⁸, равно как и скромный (опубликованный в тогдашней ГДР) евангелико-лютеранский учебник практического богословия.

Более того: среди мыслителей, которые тогда конкретно указали и облегчили мне путь к Православной Церкви, я обязан упомянуть и великого толкователя иудейской традиции Мартина Бубера⁹. Конечно, говорю о его книге «Я и Ты», но также и о его размышлениях о народе Божием как о «теле». Так я получил прививку от деистически окрашенного спиритуализма, с презрением относящегося как раз к телесности (материальности) таинства и общины. Если уж Св. Писание предстает столь телесно, как показывает Мартин Бубер, тогда, вероятно, следует вполне телесно участвовать в сакраментальной жизни общины и принадлежать к определенному приходу! Так понятие «телесности» по Буберу помогло мне понять слова евхаристии «Сие есть Тело Мое». Также и Буберова критика христианского «образа веры», которая является довольно острой, но всегда остается в границах интеллектуальной честности и потому не брызжет ядом, стала для меня своевременным предостережением, что вера, также и христианская вера, должна быть библейской эмун (emunah), т. е. должна быть не простым признанием истинности того или другого, но прежде всего верностью тому, во что веришь. Таким образом, телесность слова Божия и народа Божия, телесность преследуемой и презираемой Церкви предстали для меня как пространство для верности, которая и свидетельствуется также телесным образом.

Я зачитывался Бубером; один мой друг прозвал меня тогда «Buberle». В то время, когда во мне окончательно созрел поворот к осознанию телесности Церкви, один молодой еврей, мой друг, нашел свой путь к вере своих отцов; мы тогда посвятили друг друга в тайны нашего обоюдного обращения – в Церковь у меня, в Синагогу у него – и почувствовали, что мы действительно близки друг другу. Вспоминаются разговоры, которые велись за столом в присутствии его отца, оставшегося неверующим. Это были московские интеллигенты, но у них у всех не было конкретного опыта веры, так что они несколько снобистски и самоуверенно рассуждали на религиозно-философские темы, тогда как мы не включались в болтовню, а значительно взглядывали друг на друга, выражая общую мысль: ты и я, мы оба знаем «de usu» (из практики), о чем идет речь, почему и отмалчиваемся... Однажды мы – моя только что начавшая ходить в церковь жена и я – были у друга в гостях за кошерной трапезой, и на нас произвело глубокое впечатление достоинство обряда – достоинство, показавшееся нам понятным и внятным, и это не вопреки тому, что мы оба уже были практикующими православными христианами, и скорее именно поэтому. Конечно, также и потому, что все происходило в контексте, мощно побуждавшем к обоюдному пониманию: все еще оставалась неуверенность, вера доставалась не даром, надо было по крайней мере платить какую-то цену за то, чтобы стать практикующим иудеем или христианином; выражения, к которым

о Божие и слово человеческое»

прибегала советская печать в своих антисемитских и антихристианских инсинуациях, настолько совпадали, что их было легко перепутать. Тем торжественнее и радостнее охватывало нас и объединяло чувство: там, снаружи, правит бал советский мир, а здесь призывается имя Бога Авраама, Исаака и Иакова.

Много-много лет спустя, когда я в конце перестроечного периода получил возможность побывать вместе с женой в Оксфорде, нас пригласил к себе сын поэта Бориса Пастернака, и вместе с ним мы навестили его британских родственников. По пути к ним он, немного смущаясь, сказал нам: «Не знаю, как вам покажется: перед едой моя родня молится по иудейскому обряду». А мы ответили в один голос: «Для нас большая радость, когда призывается имя Божие. Мы бывали за многими трапезами, в Советском Союзе и в других местах, когда, к сожалению, молитва не совершалась».

Теперь все радикально переменялось. Делиться своим поколенческим опытом с молодыми людьми в моей России мне по-прежнему трудно или стало даже труднее, чем в кругу иностранных слушателей. Веровать в Бога, ходить в церковь ныне безопасно, но в то же время внутренне стало сложнее. Преследования прекратились, но зато теперь нам угрожает опасность неуклюжей, несвязной пародии на стиль организации православия позднего царского времени. Именно бывшие коммунисты, т. е. люди, не имеющие ни малейшего представления о тогдашней соборности и выступавшие как гонители Церкви, ведут себя сегодня как ревностные православные, как приверженцы того псевдоправославного изоляционизма, который, по их замыслу, должен заместить коммунистический изоляционизм.

Я хорошо знаю одну женщину в Санкт-Петербурге; ее профессиональная карьера в одном институте не удалась из-за того, что она сохранила верность Церкви. Партийные боссы вволю поиздевались над ней. И вот наступил перелом; она много трудится для Церкви, способствует контактам православных Санкт-Петербурга со всемирно известным бенедиктинским аббатством в Шевтоне. Но ее партийные боссы по-прежнему остались на своих местах; и вот один из тех, кто с удовольствием участвовал в издевательствах прошлого, подозвал ее к себе и спросил словно на допросе: «Является ли ваше православие полным?» Она ответила: «Кто дал вам право, именно вам, спрашивать об этом? Ведь вы, кажется, даже не крещены!» И в ответ она слышит: «Крещен, не крещен – это значения не имеет. А вот ваше православие ущербно».

Один российский генерал, весьма активно действующий в политике, сказал недавно: «Конечно же я сам атеист; однако политическое будущее России неразрывно связано с православием». И прибавил: «Мы – русские, с нами Бог!» Это «с нами Бог» атеиста явно имеет больше общего с псевдоблагочестивой фразеологией Третьего рейха, чем с библейским речением «Immanuel» («С нами Бог»).

Именно так в начале XX века предводители ультра-националистической организации Action Francaise, сами-то бывшие атеистами, провозглашали лозунг «la belle ordre catholique» («прекрасен строй католический») в качестве национального достояния французов. История повторяется. Однако тогда Ватикану достало мудрости дистанцироваться от Action Francaise и заявить, что лозунг о «belle ordre catholique» как раз не католический. Таким же является и «православие», проповедуемое генералом-атеистом и его бывшими коммунистическими единомышленниками, с которыми православная вера русских мучеников и исповедников ничего общего не имеет. Искаженные черты подобной имитации напоминают нам об истине, купленной слишком дорогой ценой, чтобы быть забытой сегодня. Благодаря экстремальной ситуации, потребовавшей от наших предков бесчисленных жертв за веру, мы ныне непреложно познали: дистанция между различными конфессиями и, возможно, религиями, хотя бы только монотеистическими (авраамическими), не столь категорична и абсолютна, как другое разделение, проходящее по всем конфессиям и религиям, – разделение между теми, которые придают своей вере истинно первостепенное значение и, следовательно, стараются жить по ней, и теми, которые хотели бы сделать из своей религии инструментальную и манипулятивную идеологию для тактического употребления – например, в качестве национального символа. Чуждые целеустановки всегда извращают смысл вероучения. Эли Визель однажды сказал, что неверующий тоталитарист удовлетворяется, когда поработит сограждан, но амбиции верующего тоталитариста идут выше: он хочет сделать своим рабом самого Бога. Таково самое крайнее, последнее богоухульство, таково предательство, которому нет прощения. А понятие веры – это ешпаш, верность. Еще раз скажу, что разграничение между верными, fideles, и отступниками от веры проходит по всем конфессиям.

Я уже ссылался на русского православного философа Льва Карсавина, полемизировавшего с католицизмом и тем не менее в ГУЛАГе принявшего последнее причастие из рук католического священника. Почему он поступил так? Ведь в концлагере, в котором умер Карсавин, был и православный священник, но с репутацией предателя и коллаборанта. Так и совершился выбор Карсавина: не по принципу конфессии, не между православным и католическим священниками, но между тем, который остался верен, и тем, который отступил от веры. Я не пытаюсь приписать абсолютную ценность именно этому практическому решению умирающего хотя бы потому, что отступничество несчастного православного священника, такого же арестанта, было проступком слабости, не сопоставимым с циничным холодом вышеназванной идеологии, и так как вера в Церковь, способную потрясти от демонстрации слабости, едва ли заслуживает названия веры. Однако непосредственное, опытное познание, по которому расстояние между верой и неверием является более существенным, чем конфессиональное разделение, имеет, вероятно, значение, превосходящее чисто ситуативные границы.

Что мы пережили когда-то, хранится в нашей памяти. Я чувствую себя обязанным быть насколько возможно верным хотя бы своей памяти, хотя мне, как и людям одинаковой судьбы, уже более невозможно воспринимать пережитое когда-то во всей непосредственности. Как такое всегда бывает, конец преследований немедленно привел к спорам между верующими. Также и я, к моему несказанному горю, ныне вовлечен в эти распри. Неужели наше вчерашнее взаимопонимание было всего лишь тактическим и прагматичным пактом, заключенным всего лишь против общего угнетателя? Неужели это временное сближение было стимулировано всего лишь «образом врага»? Если это так (чего да не попустит Господь!), тогда все идет прахом, тогда упущен великий шанс. Я имею в виду не только шанс религиозного примирения, хотя мысль о нем, как следует из сказанного, осталась для меня сердечным желанием. Тем не менее действительно святое дело примирения (подобно некоторым другим святым начинаниям) находится под угрозой быть понятым как прагматическое целенаправление, как задание добиться простой efficiency (эффективности). Тогда оно будет изъято из своего смыслового контекста и выродится в клише торопливой мысли. Ведь мы призваны прежде всего искать «Царства Божия и правды его»; а «все прочее» – благополучие нашего земного отечества или всего человечества, разрешение трудных конфликтов, включая религиозные, – «приложится нам» (Мф 6:33). «Все прочее» произрастет и расцветет из почвы той самой «правды», «zedek». А правда о Царстве Божием заключается в себе умение достаточно ясно воспринимать духовные пропорции, соотношения между величинами духовного мира. Ангелус Силезиус давным-давно сказал: «Mensch, werde wesentlich!» («Человек, держись сущности!»).

Такое легко сказать, а действовать – нелегко. Все вокруг быстро превращается в клише: такие серьезные темы, как опыт советской тотальной войны против веры, равно как и опыт Shoah-Холокоста, к сожалению, не изъятые из процесса мыслительной банализации. Все легко превращается в благонамеренную фразеологию. Эта фразеология может быть как совсем бесчувственной, так и слезно-патетической, причем одно не лучше другого. Мы слабы оттого, что соглашаемся мыслить готовыми словами. Именно поэтому я и пытаюсь вызвать в памяти тогдашние непосредственные переживания и так прояснить позицию, занять которую нас побуждает прежний опыт.

Только один пример. Я рассказал вам о безысходном горе, испытанном мною, когда мне стали известны события в упомянутой деревне, когда я пришел к потере чувства всякого уважения и самоуважения. А сейчас у нас много доказательств, что существует не только тоталитарная, но и демократическая неуважительность. Естественно, я вижу действительно большое различие: тоталитарная неуважительность направлена против совершенно бесправных, совсем не защищенных слов, против верующих под гнетом коммунизма, против «не-арийцев» эпохи гитлеризма, тогда как в условиях демократии каждый несправедливо обиженный имеет право на защиту, хотя бы в теории. Я также понимаю, что временами бывает необходимо принять на себя известную неуважительность, когда необходимо показать, не приукрашивая, всю правду. Однако мое сердце, которое тогда было оскорблено неуважительностью властителей, не может иначе: оно стремится к тому, чтобы каждому человеку оказывалось внимание и уважение, даже и тогда, когда бывает необходимо высказать всю правду без прикрас. Мое сердце не может, даже в случае самой острой полемики, отказать и противнику во внимании и уважении, и оно требует:

Разрушение Николо-Барградского храма в Ленинграде. 1932 г.

когда нам иногда приходится брать на себя неуважительность, мы должны воспринимать этот груз как действительную тяготу. Ибо когда наблюдаешь разнужданную журналистскую полемику, вспоминаются те бравые деревенские парни, которые, взобравшись на колокольню, с восторгом поливали оттуда мочой своих родителей и дедушек с бабушками. Не могу иначе: от этого воспоминания мне не избавиться.

Стало быть, так действует наш опыт, который мы сообщаем другим и храним в себе, – это так трудно и в то же время так безусловно необходимо. Его смысл едва ли можно полностью свести к альтернативной схеме «толерантности/нетолерантности». Вера и верность по отношению друг к другу на основе того, что мы пережили, призывают не только к толерантности, но и к солидарности и, в известном смысле, к единству. И горе нам, если мы некогда понимали это единство только как заключение временного пакта против общего политического врага и понимаем так еще сегодня! Нет, если между тем, кто недавно пришел к вере своих отцов, и мною возникло единство, то это есть заключение союза верности – союза не просто против, скажем, советской, коммунистической идеологии, но прежде всего против нашей собственной внутренней слабости, против нашей собственной легко оправдываемой нами неверности. И это единство верности и верных должно продолжаться также и тогда, когда оно эмоционально уже более не воспринимается столь живо. (Вера и вообще не слишком соприкасается с просто эмоциональным.)

Однако с учетом духа времени наш опыт заставляет нас проявлять известное недоверие. Апостол Павел в Послании к римлянам (12, 2) призывает нас: «Не сообразуйтесь с веком сим!» (по-гречески: *каὶ μὴ συσχηματίζεσθε τῷ αἰῶνι τούτῳ*, по латыни: *et nolite conformari huic saeculo*), и эта максима, которая в советское время действовала на нас столь потрясающе, по сути пригодна для всех условий, а не только для тоталитарного общества. Правда, великая реальность современной демократической цивилизации имеет именно все права реальности. Однако расхожая система идеологических клише, умеющая выдавать себя за «демократию», тем самым идентичной той реальности не становится. Существует конформизм повседневных реакций, жизненного стиля, который не всегда и не повсюду соприкасается с политической сферой. Однако конформистское христианство всегда представляет собой *contradictio in adjecto* – это соль, потерявшая свою силу. Так же и сей вывод, полученный из накопленного нами опыта, глубоко запечатлен в нашем сердце и в нашей совести.

¹ Слова из легенды об Икаре, сказанные его отцом Дедалом, задумавшим побег от царя Крита Миноса по воздуху при помощи изготовленных им крыльев. – Прим. ред. (Здесь и далее примечания приведены из сборника «Римские речи. Слово Божие и слово человеческое».)

² Андреас Грифиус (1616–1664), немецкий поэт и драматург. – Прим. ред.

³ Карл Барт (1886–1968), швейцарский кальвинистский теолог, один из основателей т.н. диалектической теологии. – Прим. ред.

⁴ Романо Гвардини (1885–1968), немецкий философ и католический богослов. – Прим. ред.

⁵ Эрих Шивара (1889–1972), иезуит, немецкий католический философ и богослов. – Прим. ред.

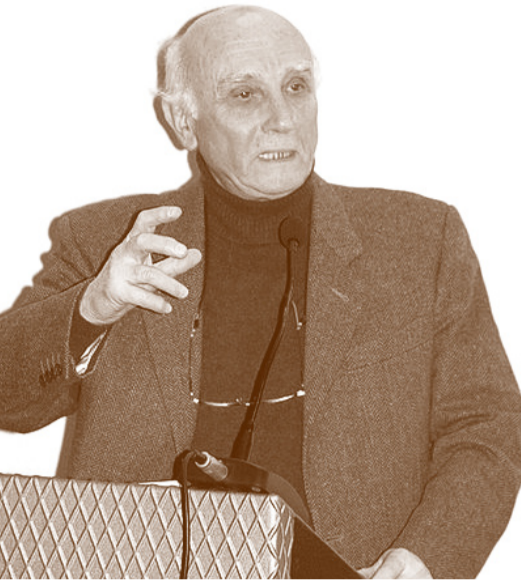
⁶ Х.У. фон Бальтазар (1905–1988), швейцарский католический теолог, церковный деятель, издатель; кардинал. – Прим. ред.

⁷ П.И. Тиллих (1886–1965), немецко-американский протестантский теолог и философ, представитель диалектической теологии. – Прим. ред.

⁸ Дитрих Бонхёффер (1906–1945), немецкий лютеранский пастор, теолог, участник антинацистского заговора. – Прим. ред.

⁹ Мартин Бубер (1878–1965), немецко-еврейский экзистенциальный философ. – Прим. ред.

Презентация книги «Современные пути святости. Наши учителя» прошла в Италии

Джованни Бьянки

ном мире и ответственности христиан за жизнь церкви и общества, а также изучение различий и сходства между жизнью членов католического и православного движений. Ведь в реальности в православной России мало знают жизнь духовенства и мирян католической церкви, как и наоборот, поэтому возникло желание познакомиться с духовными учителями АКЛИ и Преображенского содружества малых православных братств.

Идея проекта принадлежит Алессандро Коломбо († 2010 г.), заведующему отделом международных отношений АКЛИ региона Ломбардия. Книга является реальным плодом усилий по взаимному изучению опыта

Издание является совместным проектом Ассоциация христиан трудящихся Италии (АКЛИ) и Преображенского содружества малых православных братств, сотрудничество которых продолжается уже более двадцати лет

Важными составляющими в сотрудничестве двух христианских движений были вопросы о действенности христианства в современ-

двух движений – православного и католического – предания церкви, культуры народа и общества. В Италии презентации книги «Современные пути святости. Наши учителя» успешно прошли 21 января в Триуджио и 22 января в Милане.

Во время миланской презентации от имени Московского Патриархата участников поприветствовал архим. Амвросий (Макар), от имени Миланского диоцеза – диакон Роберто Пагани, руководитель диоцезального отдела по экуменизму и диалогу. О книге рассказали представители христианских движений: духовный попечитель Преображенского братства профессор священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института, и Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства, президент Региональной общественной организации «Сретение»; Джованни Бьянки, президент национального АКЛИ с 1987 по 1994 г., депутат Парламента Италии с 1995 по 2006 г. и Пьеранджело Торричелли, президент совета АКЛИ провинции Комо, а также Руфино Сельми, вице-президент АКЛИ региона Ломбардия.

Книга была тепло встречена участниками презентации, поскольку является плодом реального сотрудничества, не политического и не утилитарного. Многие читатели отметили единство духа тех, кто жил в России в XX веке, претерпевал гонения, и тех, кто жил в Европе, несмотря на разницу в их официальном положении, статусе и т. д. Это единство проявилось в первую очередь в одинаковом понимании цели и значения христианства в современном мире. Книга «Наши учителя», с одной стороны, является обращением к корням, с другой стороны – шагом вперед, поскольку ставит и обостряет вопрос

Священник Георгий Кочетков и Дмитрий Гасак

о том, каким образом христиане должны действовать в современном мире, каков должен быть плод и результат их усилий.

О том, как прошла презентация этой книги в Москве и Санкт-Петербурге, мы расскажем в следующем номере.

Информационная служба Преображенского братства

Свидетельство защиты

Ольга Александровна Седаква размышляет о новом издании статей и лекций, открывающем нам «европейского Аверинцева»

государственной институции – впрочем, в Италии его звание Депутата Верховного Совета СССР было бы пожизненным; к нему обращались бы не иначе как «господин Сенатор») не был приглашен выступать перед итальянским Сенатом. Если Аверинцев в этой своей речи (о вкладе восточной Европы в формирование новой европейской идентичности) и был «представителем» чего-то, он был представителем российской свободной мысли, российской учености, русского гуманитарного академизма в лучшем смысле этого слова. Отметим и такую деталь: Аверинцев обходился без переводчика и свои европейские выступления произносил по-итальянски, по-французски, по-немецки, по-английски – на языке той страны, которая его приглашала. Сам он считал это необходимым жестом вежливости.

«Природный русский», как по старинному рекомендовался Аверинцев, он вступил в общий диалог современных филологов, богословов, политиков: он хорошо знал, о чем идет речь в этом диалоге (ведь многие широко обсуждаемые у нас темы безнадежно локальны, увь). Прежде всего, конечно, Аверинцев «объяснял Россию», открывал своим европейским слушателям русскую культуру в ее самом глубоком измерении, в ее связях с западной христианской традицией и в том, что ее отличает от западного творчества: он истолковывал смысл иконного письма (а русская икона покорила Европу в последние десятилетия), он говорил о древней и новейшей словесности, о своеобразии русского гения. Только человек, который чувствовал себя как дома во всей средиземноморской традиции, мог представить «родное» в кругу «вселенского» так, как это делал Аверинцев. Ведь «по специальности» Аверинцев не был русистом и славистом, но русские темы в его интерпретации представляли в перекличках с классической античностью, библейской мыслью, немецкой философией... Этот род европейской деятельности Аверинцева можно назвать просветительством, и его комментарии к русскому наследству ждали и светские гуманитарии, и католические исследователи. Ряд статей

и выступлений, включенных в том, относятся именно к этому жанру. Таким же образом в свое время он открывал нам в России горизонты библейской, греческой, сирийской, новой западной культуры. Можно назвать это просветительством, но точнее было бы назвать строительством мостов между веками и языками.

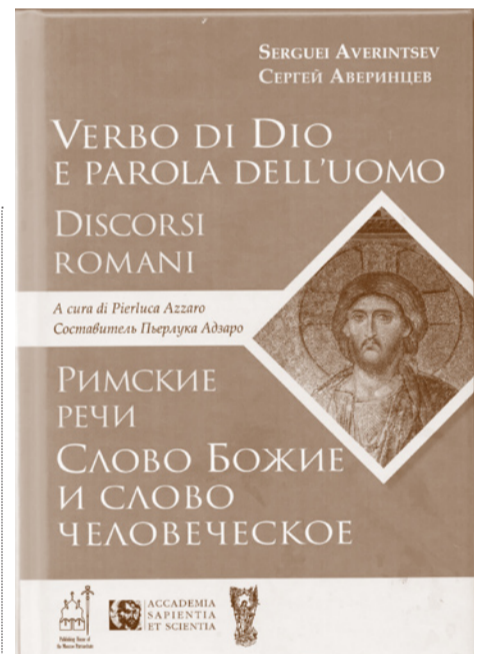
Другой жанр европейских выступлений Аверинцева можно назвать общественно-политическим. Аверинцев-политик обращался к европейскому миру, по существу, с двумя темами. Во-первых, он говорил как свидетель опыта советской (подсоветской, словами Б. Пастернака) жизни. Уроки этого опыта до сих пор не извлечены у нас в России, и еще меньше – за рубежом. Из слов Аверинцева европейцы должны были понять, что значило – для мыслящего и чувствующего человека – жить под властью атеистической, контркультурной, антигуманистической идеологии, какому искажению подвергалось в ней человеческое существо. Рассказывая об этом опыте, Аверинцев не был мемуаристом: он выступал с предупреждениями о том, что некоторые черты этого «освободительного насилия» – в совсем ином и неожиданным для нас контексте – обнаруживаются в новейшей ситуации Европы. В частности, он отмечал, что в самые страшные сталинские годы язык власти оставался, в отличие от языка нацизма, старательно «политкорректным». Особым значением обладает свидетельство Аверинцева об опыте гонимой церкви в России. С воспоминаниями об этом опыте связаны его размышления о том, что есть вещи, более страшные для христианства, чем прямое гонение, а именно – внутренняя подмена веры. Этому посвящена горестная и пронзительная статья «Солидарность во имя опального Бога», до сих пор не публиковавшаяся в России, которую мы воспроизводим.

Вторая общественно-политическая тема «европейского Аверинцева» – полемика с «актуальностью» современного мира, эстетической, политической, этической. С тем, что некоторые

европейские мыслители уже назвали «новым, или мягким тоталитаризмом». Сверхкритическая, плюралистическая «современность» не допускает собственной критики, говорил Аверинцев, – и это очень опасно, прежде всего, для нее самой. Он говорил о том, как «актуальность» маргинализует множество людей и направлений мысли, которые получают характеристику «отсталых», «реакционных» и т. п., так, что с ними можно по существу не считаться. Он говорил об опасности «хронологического провинциализма», когда «актуальное состояние» видится как решительно оторванное от всей истории человечества. Такого рода выступления также включены в том. Аверинцев и на родине видел свою задачу в споре с наличной и преобладающей данностью «своего времени». Современны, говорил он в связи с М. Бахтиным, – не те, кто поддакивают своей современности, а те, кто с ней спорят. В его молодости это был советский мейнстрим, в европейском контексте – мейнстрим общего агностицизма и нигилизма. Здесь Аверинцеву принадлежат острые наблюдения и интуиции, оказавшиеся новыми для многих западных слушателей. Аверинцев не ограничивается критикой: он намечает и некоторую программу выздоровления нашей цивилизации, которую называет, используя лозунг первых гуманистов – Ad fontes! Истоки, которые Аверинцев призывает вспомнить, – это Иерусалим, Афины и Рим, три струи, питающие тысячелетнюю культуру христианской Европы. Тезисы «Ad fontes», две странички, написанные Аверинцевым по-английски в последний год его жизни, положены в основу рабочей программы римской академии «Sapientia et Scientia».

Но основную часть книги составляет другой, отчасти знакомый нам Аверинцев. Я говорю: отчасти, потому что только это итальянское издание впервые дает увидеть в таком размахе Аверинцева – христианского мыслителя и оригинального богослова. Это лицо просвечивало во всех его филологических и культурно-исторических трудах, но здесь оно является прямо и открыто. Серьезный разговор об этом еще впереди.

Начало на с. 1

Можно только сказать – для начала разговора – что Премудрость Божия, эллинская София, библейская Хокма – несомненный центр его мысли, центр его работы. Я думаю, Аверинцев, как автор библейского гимна Премудрости, мог бы сказать о себе: «Я полюбил ее и взыскал ее от юности моей» (Прем 8:2). Похожий опыт мы найдем у Поля Клоделя, любимого поэта Аверинцева:

Это ты, в час спасения моего, это лицо твое, высокая дева, первая, кого я встретил в Писании! («Река»)

Глубокое, личное, осмелимся сказать, мистическое общение с Премудростью подсказывает С.С. Аверинцеву такие интуиции о ней, которых мы не встретим ни у кого другого – при том, что они связаны и с русской традицией софийной мысли, и с западными христианскими мыслителями. Но рассматривать эти богословские «открытия» Аверинцева в газетной заметке слишком трудно. Остановившись на одной из черт библейской Премудрости, столь дорогой для Аверинцева, – «Премудрость ... есть дух человеколюбивый» – позволю себе обобщить его богословскую мысль как антроподицею и логодицею: оправдание человека, защита достоинства его ума и его слова, которое Аверинцев называет сарах Dei (способное принять Божественное). На фоне всеобщих разговоров о кризисе языка это сильное утверждение Аверинцева звучит поразительно.

Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельство

Мы продолжаем публиковать размышления о своем жизненном пути тех людей, которые во время катехизации сознательно и серьезно готовятся к Крещению или (если они уже крещены) к исповеди за всю жизнь

«Боже! будь милостив ко мне, грешнику!»
«...Ступати право мя настави, путем Христовых заповедей...»

Как тяжело писать на эту тему. Самую главную тему в моей жизни и в жизни каждого человека, понимает он это или нет, признает он это или нет. Этот путь есть у каждого, но далеко не у всех он верный. А верный ли он у меня? Но так хочется, чтобы он, наконец, стал верным и им оставался навсегда. И если надо, исправлялся, как бы далеко и, может быть, неожиданно он ни уходил в сторону, становился вертикально-отвесным, а временами даже поворачивался вспять. И всегда укреплялся – если даже становился тоненьким как волосок. Главное – Вера, Надежда и Любовь!

Этот путь связан со всей моей жизнью, поэтому описание пути отчасти будет похоже на автобиографию.

Вначале, когда я совсем еще не знал Бога и ничем не заслужил Его обращения ко мне, Он посетил и спас меня. Когда в два с половиной года я попал на операционный стол с гнойным аппендицитом, мне стали делать общий наркоз, и я провалился в глубокую темноту, тьму. Мне стало очень страшно! Но вдруг я услышал легкий и очень добрый смех, и из темноты появился Он в виде очень доброго и светящегося дедушки. Он меня успокаивал и приглашал играть. Надо было бежать к Нему, а Он все время оказывался в другом месте и ласково смеялся. Так быстро пробежало время. Потом Он сказал, что теперь мне надо возвращаться назад и чтобы я всегда слушался и вел себя хорошо. Сразу же стало очень тяжело и больно. После родителям врачи сказали, что мне очень повезло. Этого я никому никогда не говорил, потому что считал это детскими фантазиями.

Ещё помню бабушку, она очень часто и долго молилась Богу со слезами и просила меня, чтобы я тоже учился молиться Богу, а когда вырасту, то молился бы за неё и за своих родителей. Время тогда было такое, что и креститься было нельзя, и папе пришлось уехать в командировку, чтобы не узнали о моём крещении на его работе. Крещение моё, если так можно сказать, не очень удалось... Когда меня маленького несли к купели, то кто-то сказал, чтобы я не дергался, а то можно утонуть. Я

испугался, и когда меня поднесли к бабушке, я схватился за его бороду и не отпускал. Кончилось тем, что меня только окропили водой и прочитали какую-то молитву.

Очень жаль, что папа не верил в Бога и ругал бабушку, что она меня учит молиться. Наверное, он думал о том, что несправедливо его отец (мой дед) умер очень рано, и семье пришлось тяжело – но причём здесь Бог? Если бы он верил, может быть, тогда и вся жизнь бы по-другому сложилась? Хотя мне кажется, что под конец своей жизни папа стал совершенно другим, каким-то очень добрым и чутким, казалось, ещё немного, и он поверит в Бога. По крайней мере, мне очень хочется думать так. Мама пыталась верить в Бога. Мне кажется, она это делала очень скрытно, чтобы никто не догадывался. Сейчас я молюсь о них. Слышат ли они меня?

В самом раннем детстве понятие Бога было для меня потребительское. Не будешь слушаться – Бог накажет. Будешь баловаться – Бог накажет. А если будешь слушаться, то все будет хорошо. Конечно, это правильно. Но ведь этого мало. Господь не только источник получения благ и гарант исполнения желаний. Господь – гораздо больше! Он наш Путь! А многие наши желания – наоборот только отклоняют нас от этого Пути.

В детстве никто не говорил, откуда Господь Бог, откуда люди, для чего мы живем, что с нами со всеми дальше будет, почему что-то хорошо, а другое – плохо. Конечно, это детям очень трудно объяснить, и я сейчас тоже очень мало могу объяснить своим детям, к сожалению, многое надо было объяснять гораздо раньше. Но раньше – я сам ходил во тьме. А сейчас если что и знаю, то уже и побаиваюсь подойти с тем или иным нравочением – дети уже большие и перевоспитывать уже тяжелее.

Потом пришло «дворовое воспитание» и с ним вошли в меня многие грехи. Если бы только с детства нас учили Закону Божьему и объясняли, почему нельзя делать это, а надо делать обратное – может быть, мы меньше стали бы грешниками? От некоторых из грехов я освободился только через много лет. А сколько я страдал от них! С этими страданиями вошла и неуверен-

ность в меня, и мнительность, и даже ненависть к самому себе. Тогда ведь Бога я не знал. Не понимал. Не верил. Наверное, это и есть настоящий грех. Грех неверия Богу, людям и себе. Прости меня, Господи! Прости!

Но Господь не бросил меня. Он подарил мне любовь к одной девочке. Очень сильную любовь. Хотя она меня и не любила, но мне все равно было хорошо. Хорошо только из-за того, что она просто есть. Через эту неразделённую любовь я и понял красоту мира, людей, земли, воды, животных, птиц. Благодарю тебя за это, Господи!

Вскоре понеслись студенческие годы. В это время основной задачей для меня было хорошо и много учиться. Много знать. Для того чтобы потом обеспечить себе благоприятное и комфортное будущее. Единственное, что расширяло мой кругозор тогда, – это было чтение. В основном чтение фантастики. Это меня отрывало от реальной действительности, уносило в сказочные миры. Верилось, что, может быть, где-то сейчас всё хорошо или когда-то всё станет хорошо благодаря развитию техники или добрым и умным инопланетянам.

Хотелось найти очень простое и лёгкое решение, чтобы быстро всё стало хорошо. Но решение не находилось, лучше не становилось, а вот хуже стало быстро. Ещё на последнем курсе института умер папа, а год спустя и мама. Вот тогда-то я понял, что одно образование ничего не даёт. Без духовного стержня и без духовного учителя – жизнь теряет полноту, иногда и смысл. Но жить всё равно надо. А как жить, тогда я не знал. Не знал, для чего я вообще живу. Что можно сделать? – Я ощущал свою огромную ответственность и вину за потерю родителей. И не знал, что делать. Как жить? Чем и как искупить свою вину? Вот тогда-то и начались настоящие «заморочки». С одной стороны, я пытался даже неосознанно все время обвинять себя во всем и везде. Наказывать. Даже в мыслях. С другой стороны – всего стал бояться, придумывать сам и искать у других немислимые приметы. Стратегия жизни стала полным противоречием. Света не стало. Уверенности не стало. Страх набирал силу и в делах, и в словах, и в мыслях.

Мой путь к Богу и в Церковь

Начало на с. 1

Через год я женился. Сейчас я понимаю, что перед таким ответственным поступком надо иметь в себе «твёрдый стержень» – духовный стержень, которого тогда у меня, наверное, не было. Да и сейчас его не всегда хватает. И любви не всегда хватает. Надо самому вести за собой семью – и жену, и детей, а не быть ведомым. Прости меня, Господи! И дай мне, Господи, силы! Если бы я тогда пришел к Богу и горячо и искренне молился, то хоть бы меньше было скандалов, меньше разочарований, меньше уныния! И надо было бы быть смиренным, терпеливым, больше любить и чаще прощать. Прости меня, Господи! И помоги исправить то, что ещё осталось!

Желание исправить никогда не терялось. Но одного желания было мало. Без знания одно желание может завести куда угодно. Я стал интересоваться психологией. Но в результате – накопил больше неуверенности и страхов. Я стал интересоваться биоритмологией. Но и это мало что дало. Я стал заниматься гимнастикой по системе йогов. Слава Богу, далеко не «ушел», потому что не хватило системности, терпения и сил. Но стал интересоваться религией индусов, буддизмом. Тоже не решало многих вопросов. Детская любовь к астрономии, юношеское пристрастие к фантастике и развешивающиеся в то время различные «кружки» привели меня к занятию астрологией. Сколько же я потратил сил, времени, материальных средств на это... Почти семь лет я занимался этой теорией. Всё пытался понять – почему же мир устроен так, а не иначе. Есть ли выход? Есть ли возможность влиять на свою судьбу? Кто всё это создал и для чего? Почему есть наряду с Добром и злом? Как Добро может победить зло? Как и кто всё это может объяснить?

На одной из «лекций» один лектор, преподававший нам астрологию и начала зороастрийской религии, вдруг сказал, что если чувствуете в себе нечистоту, то надо идти в церковь и молиться! Но, мол, пока таких церквей у нас нет – то самая близкая по духу церковь – это православная! В церковь я ходить стал все чаще и чаще, а вот «предсказателем», слава Богу, не стал! Да и мне было противно когда кто-то говорил, что у кого-то что-то сбывается. Что же, в этом случае уже человек сам по себе ничего и не может сделать? Ничего не может изменить? Мне больше нравилось, когда эти «прогнозы» у других не сбывались. Значит – есть что-то или Кто-то, что может изменить судьбу человека и жизнь, и мир! Значит – есть

Господь Бог! Так потихоньку я стал проникаться христианской религией, читать Евангелие. Хотя просто перейти в христианство тогда я не мог, ещё тяготели надо мной астрологические догматы. Вот и пришлось ещё «выпить» бочку дёгтя! На курсах уже организовывалось движение по созданию зороастрийской религиозной общины. А поскольку я хотел более подробно разобраться с вопросом о религиозной основе теории и практики астрологии, то согласился стать её членом. Говорили о едином боге, о необходимости постоянного выбора между Добром и злом, о необходимости постоянно «совершать благие помыслы, слова и дела». Начались многочисленные собрания, праздники, встречи, общие молитвы, разговоры об истории возникновения, развития и распространения религии, о пророках и странах, где религия распространялась. Говорили о связях и об отношениях к другим религиям, отмечая наиболее близкую религию по духу – православие. Даже приводилась цитата о будущем Спасителе Мира – Сыне Девы. Поначалу было очень интересно, затягивало. Проводился даже обряд посвящения в зороастризм – «повязывание поясов», и говорилось, что это подобие обряда «крещения» в христианстве. И я тогда поддался на этот обряд, хотя мне казалось, что ничего предсудительного вроде бы в нём и не заключалось, но всё равно на душе было очень беспокойно и нехорошо – ведь я уже в детстве крестился. Я молился тогда и зороастрийскими молитвами, и христианскими. Просил Господа Иисуса Христа указать мне путь, что делать? Даже просил Господа Бога, что если это плохо, то пусть он меня к этому не допустит, пусть я тогда заболую, сломаю руку, ногу, но не буду совершать то, в чем не уверен. Но я тогда почему-то остался здоров, и руки и ноги были на месте, и я прошел «повязывание пояса», вступил в общину, позже официально зарегистрированную, и даже попал в её совет. Прости меня, Господи, если я совершил мерзость перед Тобой!

Для чего это мне послал Господь, я понял позднее. Позднее в общине и на её совете мы – члены общины просили инициатора её создания предоставить нам последовательно изложенную конфессиональную доктрину, на которой могла бы строиться наша религиозная деятельность. Но, к сожалению (или к счастью), такой доктрины мы не увидели. Также и официальных документов, подтверждавших полномочия организации и духовном руководстве

религиозных общин и о связях с другими общинами он нам не предоставил. Более того, через некоторое время наш инициатор создания общины сам вначале отказался быть её административным руководителем, а потом отказался быть и духовным руководителем. Сами мы пытались что-то придумать, но все были разные, каждый представлял всё по-своему и религиозная концепция, удовлетворявшая всех, не появлялась. Некоторые стали уходить – кто в христианство, кто в буддизм, кто в «никуда»... Но поскольку община уже была открыта официально, а «самосвятством» мы заниматься не хотели, то оставалась опасность превращения её в секту. Мы её решили закрыть. Это далось нам с большим трудом и в течение более года – ведь многие этого откровенно не хотели, но чего хотели, и сами не знали. Вот, слава Богу, мы и закрыли общину.

Так наступил новый период моей жизни и поиска Пути. На многие вопросы ответы я тогда ещё не нашел. Большинство моих товарищей были христиане или пытались ими стать. Советовали и мне. Даже мои домашние, видя, что ходил «не поймешь куда», пытались и меня образумить. Вместе ходили на Пасху – святтили куличи, когда кто-то болел в семье, молились Иисусу Христу, покупали иконки. Я всё чаще стал ходить в церковь, то в одну, то в другую. Услышал про понятие «воцерковление», сразу его не понял. Помню, первая исповедь для меня далась нелегко, хотя и священник очень мне помогал. Выйдя после неё из церкви, я почувствовал что-то новое, необычное, как душу помыли. Через некоторое время я вспомнил, что не рассказал про такой-то грех и про такой-то. Стало не по себе. Потом опять пошел в церковь и уже другому священнику рассказал про нерассказанные грехи. После опять вспомнил ещё что-то. Видно, сразу не хватало духу всё рассказать. Вот и приходилось ходить то к одному священнику, то к другому, то к третьему. И так понемногу каяться в своих грехах – насколько хватало духу и сил. Так прошло около двух лет. Читал православную литературу, Евангелие, молитвы, описание жизни святых. Встречался с друзьями, общался, делились мнениями, информацией, планами. Вот тогда-то мне один хороший человек и посоветовал прийти на катехизацию в Свято-Филаретовскую московскую высшую православно-христианскую школу. Но я не сразу на это откликнулся, а ещё около года продолжал

Возвращение блудного сына. Из иллюстраций к Новому завету Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда

заниматься «самообразованием». Через год, узнав о «днях открытых дверей» – решил пойти и послушать, посмотреть. На открытых встречах меня встретили приветливо и доброжелательно. Священник со всеми «новичками» общался открыто и душевно, чувствовалось, что он нас всех как будто давно ждал. Насколько мне запомнилось, основная тема разговора состояла в том, что даже для тех, кто уже себя считает христианами, путь в церковь очень непростой и что мало ходить в ту или иную церковь, знать молитвы и Священное писание. Надо всё это ещё правильно и органично понимать, чувствовать и этим жить. С этим я был (и остаюсь) согласен и решил попробовать начать уже систематическое занятие под руководством священника отца Георгия Кочеткова.

Так начался мой новый этап по поиску своего пути в жизни, по поиску Пути, ведущего в Жизнь Вечную.

Занятия проходили регулярно, один раз в неделю, по месту жительства проходящих катехизацию. Помимо основных тем разбирались самые разные вопросы из личной жизни, что давало нам поддержку и уверенность в прохождении материала. Тщательно разбирались все непонятные места из Священного писания, учились молиться, прежде всего своими словами. Вместе посещали церкви, молились, исповедовались, кто мог – принимал Таинство Причастия. Так мы постоянно внимали в себя и закон, и дух христианства. Ко всему мы старались относиться максимально внимательно и разумно. Батюшка Георгий к каждому старался найти индивидуальный подход, чтобы никто не ощущал к себе дефицита внимания, проявляя чуткость и осторожность в советах по изменению нашего внутреннего настроения и образа мышления. Вот прошло меньше года и произошли благие изменения: люди стали меняться и внутренне и внешне, расцветать, как цветы, менялся строй наших мыслей и отношений и к себе самим, и к своим ближним. Благодарю Тебя, Господи! Надеюсь, что и дальше наш путь будет всё ближе к настоящему Пути к Богу и к Церкви!

раб Божий Александр

«Они для меня не чужие»

Мы продолжаем разговор о современных добровольческих движениях публикацией интервью со Светланой Алексеевной Ганнушкиной, руководителем сети «Миграция и право» и председателем Комитета «Гражданское содействие»

Светлана Алексеевна, не кажется ли Вам, что многое из того, что сейчас происходит, обусловлено внутренним состоянием сегодняшнего человека, на которого особенно повлияла история нашей страны в XX веке?

Новое время (я не думаю, что тут дело только в семидесяти годах советской власти) не дало людям новой самоидентификации. И ее ищут – скажем, в русскости, которую понимают очень своеобразно. Например, появилась такая теория: раз мы великий народ с древней культурой, то какие-то жалкие татаро-монголы никак не могли нами овладеть, и поэтому татаро-монгольского ига попросту не было. И за что боролся их предок, таким людям уже неважно. Они эту его борьбу, его подвиги перечеркивают безжалостной рукой, не оставляя ничего от русской истории. Что уж говорить о русской поэзии, русской литературе – наиболее значимой, на мой взгляд, части нашей культуры... Все ее гуманистические ценности забыты. Люди испытывают дискомфорт, страх, не находят своего места в мире.

Может быть, столь явный сейчас страх, недоверие ко всем, кто выглядит не так, кто говорит на своем языке, – это продолжение того же самого явления?

Да, это на самом деле фобия. Недаром она так и называется – ксенофобией. Это не нелюбовь, а именно страх перед чужим. И страшное раздражение! Я недавно разговаривала с коллегой, который себя позиционирует как «русский националист в хорошем смысле». Когда дело касается кого-то конкретного, у нас с ним расхождений не бывает. Но когда он начинает обобщать, то получается, что он говорит о том, чего не знает, это и вызывает дискомфорт. Но вот что я поняла: у него действительно сильное эмоциональное и физическое напряжение рядом с этими чужими ему людьми, которых появилось слишком много. Он живет на окраине Москвы, там много приезжих, и вот они, видимо, возвращаются с работы в автобусе и громко говорят на своем языке. Это его страна, его Москва, его автобус, и вдруг вошли и заполнили его какие-то чужие люди, другой культуры, говорящие на чужом языке... Его чувство очень похоже на страх, хотя он едва ли согласился бы в этом со мною.

Но ведь мы с этими людьми жили веками! Почему вдруг они оказываются для нас чужими – людьми другой культуры?

У меня тоже есть своя фобия. Я живу в центре Москвы. И моя станция метро – «Чистые пруды». Там – во всяком случае, долгое время – очень активно собирались националисты. И вот они, часто в хорошем подпитии, вбегают в трамвай, на котором я еду до дома, и кричат дикими голосами: «Россия для русских!» – и требуют, чтобы пассажиры назвали свою национальность. И то, что они готовы выкинуть за шиворот того самого таджика, речь которого пугает моего коллегу, – это пугает меня гораздо больше, потому что я понимаю, что сейчас мне придется стать между ними и этим таджиком, что у меня не будет выбора. И неизвестно, чем все это закончится. Потому что это моя страна, мой город и мой трамвай, за который я отвечаю перед этим таджиком.

Напряжение и раздражение в обществе находят выход в агрессии, ненависти, борьбе с кем-то. И этим объектом часто становится вовсе не истинный источник раздражения, а тот, кто по каким-то причинам более уязвим, чем остальные. Мигранты, конечно, «очень подходящий» в этом смысле объект.

Если сейчас посмотреть на наше общество, то видно, что в нем стали появляться люди, которые хотя и кому-то помогают. Но большинство из них занимаются нашими детьми, стариками, больницами, то есть своими. А вы занимаетесь беженцами, мигрантами. И многие, я думаю, могут сказать: у нас своих, что ли, нет – нуждающихся в помощи?

У нас действительно дети и старики нуждаются в помощи, и хорошо, что есть организации, которые этим занимаются. Ну, а мы вот занимаемся мигрантами.

Но все же, что заставило Вас в чужих увидеть своих?

Потому что они для меня не чужие! Я никогда не относилась к тем людям, которые к нам приходят, – как к чужим.

Я помню, начался армяно-азербайджанский конфликт в 1988 году, появилась сначала официальная информация о погромах в Сумгаите. Потом образовался комитет в защиту армян Нагорного Карабаха. Приезжали из Армении люди, рассказывали о том, что там происходит. В Москве очень ярко выступала Галина Старовойтова. Но когда я услышала, как интеллигентный человек называет азербайджанцев «азербь», я поняла, что что-то не так.

Поэтому в 1989 году во время зимней сессии, между двумя экзаменами,

которые я принимала – я поехала в Баку, не зная там никого. Вообще-то это родина моей мамы, и мне было неприятно думать, что город, так любимый мамой, город, который умел быть теплым для всех, превратился в город погромщиков. Я разговаривала с людьми, собрала порядка тридцати интервью у бакинской интеллигенции. Опубликовать их было нельзя, потому что люди боялись этого – в воздухе носились страх и напряжение, часть населения была готова к повторению насилия. Представители интеллигенции в разговорах со мной были готовы говорить одно, а на митингах или молчали, или произносили «патриотические» речи. Мне тогда стало ясно, что самое страшное еще не произошло. При молчаливом попустительстве интеллигенции через год в Баку грянули погромы.

Но там в январе 1989 г. я увидела первых беженцев. Это были беженцы из Армении. Они вообще не знали, где Карабах и что это такое – сельские жители, которых заставили ночью подняться и через перевал идти в Азербайджан. Я видела женщину, у которой в руках умер двухмесячный ребенок, замерз на перевале, и она, как безумная, носилась с этим маленьким тельцем...

С этого момента, собственно, все и началось?

Да, я нашла свое место. Это значило для меня, что с одной стороны – люди, страдающие от межнациональных конфликтов, и меня интересуют они. А с другой стороны – те, кто на этом наживает дивиденды. Между ними множество людей, которые могли бы остановить конфликт, но не находят в себе необходимых сил, не могут объединиться.

А потом – 1990 год, погром в Баку, огромный поток беженцев-армян в Москву. Их вывозили буквально из-под ножей. А куда им бросаться? Они равнялись в постпредство Азербайджана, а им говорят: «Вы теперь не наши». Тогда они пошли в постпредство Армении, там тоже были не готовы заботиться о жителях другой советской республики, но за дверь не выгнали! Люди просто поселились в коридорах. Это было ужасно – люди жили на полу у дверей кабинетов, в спортзале, готовили на плитках! Я начала ходить туда к беженцам, приносила то, что могла собрать. Там же я познакомилась с разными людьми. Беженцы свели меня с Лидией Графовой...

Да, с Лидией Ивановой мы тоже хорошо знакомы. Скажите, вот Вы столько лет занимаетесь такими тяжелыми вещами, большинство людей давно бы бросило всё это...

Это нельзя бросить...

Да, но можно давно было устать... Ну, я и устала!

...и сказать: «это выше моих сил».

Знаете, у меня уже выработался шаблон ответа на этот вопрос... Во время войны на комитетах комсомола вывешивали объявление: «Комитет закрыт, все ушли на фронт». Ну, а наш комитет «Гражданское содействие» не может ведь повесить табличку: «Комитет закрыт, все ушли в депрессию».

(Смеются.)

Хотя бывает ощущение отчаяния... Но потом тебе звонит человек и вытаскивает тебя за шиворот из этого отчаяния. Потому что ему нужна срочная помощь. И мы должны что-то сделать... Это ощущение, что вот как хочешь, а сделать что-то надо. Между прочим, один прокурор московский очень давно сказал мне замечательную фразу, которую я запомнила навсегда. Он сказал: «Под лежачий камень вода не течет. И капля камень точит. Делайте что-нибудь!» Это касалось безвыходного положения моей студентки: её проблемы не решались законодательным путём. Такие проблемы бывают: законодательно у нас тогда не было ростовщиков, не было проституции. Как можно бороться с тем, чего нет? Но мы что-то все-таки делали! Кончилось тем, что нас вызвали в московскую прокуратуру, вызвали человека, который шантажировал эту девочку, и решили нашу проблему, как сейчас говорят, в режиме ручного управления. Прокурором, которому поручили рассмотреть нашу жалобу, была женщина, она сказала мне: «Я посмотрела на Вас, посмотрела на него, все поняла и пригрозилась ему». И всё кончилось. Женщины более склонны искать неформальные пути решения вопросов, если формальных нет.

А другие люди, которые здесь работают, зачем они это делают?

Они – затем же! Вот Лена Буртина, заместитель, которая сейчас делает, наверное, в десять раз больше, чем я. Она историк. Как она попала сюда? Она пришла составлять мартиролог первой чеченской войны. Но для нее важнее оказалась непосредственная помощь людям. Она осталась здесь и остается до сих пор. Между прочим, она очень изменилась здесь. Она была страшным интровертом, ей было очень трудно общаться с людьми. А теперь... Она совершенно замечательный человек, просто фантастический. А еще одна наша сотрудница начала с того, что каких-то таджиков подобрала на улице, привезла к себе мыться, покормила, обогрела, а потом стала спрашивать: а что с ними делать? Ей кто-то посоветовал обратиться к нам. Что существуют общественные организации, она себе не представляла. Но сразу предложила чем-то помочь. Ну, говорю ей: «Хотите что-то делать? Вот, разбирайте вещи». И она довольно долго разбирала вещи. А потом стала одним из ведущих сотруд-

ников у нас. К сожалению, сейчас внуков воспитывает, вместо того чтоб делом заниматься. Но это я шучу, конечно. Еще одна наша сотрудница стала нам помогать после того, как привела сюда свою родню. Она чеченка, замужем за русским, живет в Москве уже очень давно.

Все эти люди очень долго, годами, работали без всяких денег. Вообще у нас даже в уставе есть такое требование – первый год работать волонтером. Но его надо убирать, к сожалению. Сейчас пришло много замечательной молодежи, они тоже находят себя в помощи людям, но не все могут работать совсем бесплатно.

Но волонтеры у вас есть?

Да, волонтеры до сих пор есть, конечно – я, в частности. В нашем Центре адаптации и обучения детей беженцев все работают бесплатно. И ещё: у нас очень многие люди из того, что получают, значительную часть отдают обратно в комитет как пожертвование. Такое тоже водится. А у кого-то живут беженцы, когда людям некуда деваться. Хотя полностью существовать организации на наши же собственные пожертвования, конечно, невозможно. Потому что, во-первых, из чего жертвовать-то? Мы все, в конце концов, ушли со своей прежней работы и профессионально работаем здесь. Я уже больше десяти лет не преподаю. Но из моих двадцати трех лет в «Гражданском содействии» больше десяти лет я работала параллельно – и в университете, и здесь.

Теперь наша работа расширилась за счет помощи заключенным.

И трудовым мигрантам, насколько я понимаю, тоже?

Трудовым мигрантам – это уже давно. Но это все-таки гораздо ближе. А заключенными мы недавно стали заниматься. Но звонки идут отовсюду. Один адвокат сказал, что мой мобильный телефон на стене камеры написан. (Звонит телефон.) Видите, нельзя его упоминать...

Спасибо большое.

Не за что.

– Алло, алло, здравствуйте. Да-да, я слушаю Вас...

Беседовала Ольга Сушкова